САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА
Дмитрий Костюкевич
ХОЛОДНЫЕ
ПЕСНИ

Дмитрий Геннадьевич Костюкевич

Самая страшная книга. Холодные песни

Серия «Самая страшная книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546736
Холодные песни:
ISBN 978-5-17-157359-1

Аннотация

Холодные песни звучат во мгле. В арктических льдах и беспроглядных пустотах открытого космоса. На борту корабля-призрака, посреди болотистой топи, в пустынных барханах, под землей, в затхлых стенах заброшенных квартир. И – в самом страшном месте на всем белом свете, человеческой душе! Ужас, готовый сковать льдом рассудок, въесться в кости, убаюкать и усыпить навеки, ждет повсюду. Везде, где слышны они – Холодные песни…

Содержание

Об авторе 5
Предисловие 6
Шуга 10
Холодные песни 34
Быстрые сумерки 143
Конец ознакомительного фрагмента. 172

Дмитрий Костюкевич
Холодные песни

© Дмитрий Костюкевич, текст, 2023
© Ольга Морган, обложка, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Об авторе

Дмитрий Костюкевич – «белорусский Дэн Симмонс», как его называют, – автор хоррора и мистики из Бреста. Получил два высших образования, трудился литературным редактором в журнале DARKER, побеждал в крупнейшем в Рунете конкурсе хоррор-рассказов «Чертова дюжина» и становился лауреатом премии «Мастера ужасов». Рассказы Костюкевича опубликованы в различных антологиях и журналах России, стран СНГ, США, Европы. Женат, воспитывает новое поколение авторов хоррора в лице собственного сына.

Предисловие

Все мы, отчаянные смельчаки, пишущие хоррор на русском языке, схожи меж собой. А особенно те, чье взросление совпало с перестройкой, с эрой Фредди Крюгера, заговорившего с нами гундосым кастрюльным голосом переводчика. Пока наши родители пытались выжить в новорожденных странах, мы открывали для себя Кинга и Баркера, Лавкрафта и Маккаммона. Мы рыскали по магазинам в поисках заветных книжечек с цветастыми вульгарными обложками, мы пропадали в видеосалонах, и до сих пор у нас не поднимаются руки выбросить коллекцию ужасов на ВХС. «Пусть себе пылится», – останавливаем мы жен, этих святых терпеливых муз, что время от времени все же поглядывают на нас задумчиво. Мы, пацаны из девяностых, уже пробовали себя в качестве хоррор-райтеров, тех, кто сбросит Короля с парохода современности. Первые пробы пера, викторианские замки и забытые богом городки штата Мэн. О чем же еще писать?

Мы повзрослели, нам, черт подери, стукнуло сорок или около того. Но увлеченные дети никуда не подевались, и, сидя в офисах или впахивая на заводах, мы, взрослые дядьки, размышляем об оборотнях, а наши дети говорят друзьям: «Подумаешь, бизнесмен! Вот мой папа пишет ужастики!»

Нужно ли тебе, читатель, знать, что Дмитрий Костюкевич

– невероятно очаровательный, тонкий и приятный в общении человек? Пожалуй, такая анкета идет вразрез с представлением о настоящем авторе ужасов. Так что пусть он будет мрачным затворником, живущим на окраине Бреста в старом особняке, где сквозняки скрипят зубами. Штурман со шрамами на обветренном лице, что поведет вас по стране шорохов и криков.

Но творить в заточении иногда надоедает даже самому угрюмому отшельнику, и тогда Дима берет в напарники кого-то из коллег, недаром его называют мастером соавторских рассказов. Писать с ним в паре такое же удовольствие, как читать его, – ваш покорный слуга не убоялся слухов и, проникнув в черный особняк, создал с Костюкевичем «Мокрый мир» и «Век кошмаров», и в планах есть еще кое-что страшно интересное. Он кладезь идей, и его фантазия заразительна.

Велик соблазн назвать его белорусским Дэном Симмонсом, ведь, подобно создателю гениального «Террора», он часто работает с историческим материалом и, как никто, описывает ледяную ярость севера («Холодные песни», «Шуга», «Морские пейзажи»), он поражает эрудированностью, черт подери, он, кажется, знает все обо всем и при этом не выглядит занудным ни на йоту. Итак, Симмонс ли Костюкевич?

Русскоязычный хоррор давно вышел из андеграунда, из тени презрения солидных и важных, он продолжает обретать популярность и вес. Костюкевич – частый гость в темати-

ческих антологиях, он умеет быть разным, при этом сохраняя уникальный голос. Фантастика, постапокалипсис, морские приключения, эксперименты с поджанрами ужасов, и в каждом проекте – блистательный слог, изумительная атмосфера и филигранный психологизм. В отношении Костюкевича и в отношении русскоязычного хоррора в целом отпала необходимость привлекать публику надуманными ярлыками. И Диме ярлыки попросту не идут.

Я тороплюсь, читатель, потому что Одран вот-вот проснется и из дурного сна попадет в кошмар наяву. Вы скоро поймете, о чем я. Я мог бы без конца удивляться тому, как Костюкевич делает экшн и как этот эффектный, вкусный экшн не мешает тягучей атмосфере страха, свисающей с мачт его холодной, но страстной прозы. Как ему удается создавать из недомолвок эпизоды настолько кинематографичные, что перед глазами встают яркие сцены из несуществующих фильмов или книг. И как он сталкивает героев с неведомым злом, но при этом не превращается для своих персонажей в судью, в разгневанного Саваофа, а остается мальчиком, готовым удивляться. И бояться вместе с нами того, что ползет из страниц его рассказов, что вздымается под строчками.

Я всем сердцем люблю хоррор, и я счастлив, что у хоррора появилась эта книга.

Но хватит болтовни!

Комната уже наполняется запахом гниющих водорослей.

Волны разбиваются о скалы, и голоса, звучащие из морских раковин, просят скорее перевернуть станицу.

«Ла Бургонь» плывет, и Одран беспокойно ворочается во сне.

Холодные песни начинаются.

Максим Кабир

Шуга

Ивин надевает гидрокомбинезон, натягивает маску и ласты. Коган вешает на спину Ивина баллоны, пристегивает сигнальный конец, закрепляет чугунный пояс, привязывает к руке товарища измерительную рейку, плоскогубцы, молоток. Желает удачи. Лицо Когана – пятнистое, коричневое от мороза, цвета промерзших яблок.

Ивин по-утиному выходит из заснеженной палатки и семенит к лунке, которую расчистили от успевшего нарасти льда. Шахнюк как раз загребает проволочным сачком, вытряхивает осколки на снег, затем распрямляется, становится рядом с Ивиным и хлопает его по плечу.

– Серега, как слышишь? – раздается в наушниках. Коган проверяет связь.

– Хорошо слышу, – отвечает Ивин. – Спускаюсь.

Рядом, повизгивая, крутится Пак. Красивый пес коричневой масти, названный в честь паковых льдов. Он тыкается лбом в ногу, затем задирает морду и смотрит на Ивина жалобно. Затылок Пака подрагивает, будто от боли.

Гидролог бросает взгляд на вздыбленные цепи торосов и ропаков – золотистые солнечные блики застыли над белым безмолвным миром – и погружается в прорубь.

Какое-то время свет его фонаря плещется в глубоком колодце, пробивается сквозь поднявшуюся шугу – рыхлую ле-

дяную кашицу, затем вода в лунке чернеет. Ивин уходит под лед.

Под ним – черная океанская пропасть.

Вода обжимает костюм, шевелит резиновыми складками. Ивин скользит вниз, луч налобного фонаря упирается в бездонную тьму. Ивин поднимает голову и видит светлое пятно лунки. Начинает работать ластами – и пятно замирает, потом увеличивается.

Он парит среди острых вершин. Белые, голубые, черные, затаившиеся в темноте горы – перевернутые, они нависают над аквалангистом. Ледяные ущелья вглядываются зеленоватыми вертикальными зрачками. Приходит мысль: «Храм. Подводный храм».

– Намутил ты, Серега, – говорит Коган по телефону. – Расчищать не поспеваем.

Ивин приступает к работе.

– Первый – шестьдесят семь, – диктует в ларингофон. – Второй – тридцать два…

Придерживаясь ограждающего троса, Ивин плывет от репера к реперу: измеряет вмерзание или высвобождение стальных гвоздей. Диктует Когану:

– Третий – сорок один… Четвертый… – Он осматривает испод айсберга, подледный рельеф. – Четвертого не вижу.

Значит, выпал, когда стаял лед.

Плывет дальше.

– Пятый – двадцать девять… Шестой вмерз.

Дрейфующий остров заглотил штырь с биркой «6». Ивин вытаскивает его, как длинный податливый зуб, плоскогубцами. Перехватывает молоток и забивает репер в лед. Гулкий стук разносится по восьмиметровой толще льда. Ивин знает, что его слышат наверху.

Он роняет восьмой репер, и тот уходит на дно Ледовитого океана. Ивин смотрит вслед – на темную черточку, на точку, вглядывается в глубокую слежавшуюся тьму. Что упало, то пропало.

– Работаешь десять минут, – сообщает Коган.

Как быстро летит время в величественном подледном мире! Этот гармоничный мир, его перевернутые валы и гряды, языки и «бараньи лбы» снились Ивину по ночам. Иногда, открывая глаза, он лежал в темноте и сомневался, что все это существует где-то еще,

помимо его воображения. Каждый раз – под водой – не покидало ощущение, что ты на другой планете.

– Подтяни фал, – просит Ивин.

Здесь, подо льдом, он чувствует себя спокойнее, чем наверху, на связи, страхуя товарища, с обледеневшим фалом в руках. За того, кто погрузился, переживаешь сильнее, чем за себя. Напряжение выматывает. Мало ли что. Не в Черном море ведь ныряют. Если на глубине откажет аппарат – на остатках воздуха надо не просто выйти, а найти, *куда* всплыть.

На прошлой станции, год назад, Ивин услышал страшное:

«Нет подачи воздуха». В наушниках хрипел голос ушедшего под лед товарища. Ивин налег на лебедку, тянул, как мешок. Молил, чтобы товарищ не запаниковал, не начал дергаться. Паника – это кислородное голодание и потеря сознания. Это смерть. Обошлось: вытянул живого.

– Как самочувствие? – спрашивает Коган.

– Отлично.

Ивин медленно шевелит ластами. Продолжает обход плантации реперов.

Иногда отталкивается от купола и висит, как замоченный, под ледяными «облаками». Океан красит лед в бирюзовый и голубоватый оттенки.

Здесь как в космосе.

«Чудеса божьи изумления достойны», – так, кажется, сказал Александр Македонский после того, как его подняли в стеклянном колоколе, подводном аппарате, из Средиземного моря.

Вчера на станцию прилетели кинооператор с помощником из «Центрнаучфильма», собираются снимать кино о гидрологах, готовятся к первому погружению. Привезли с собой две камеры, тридцатипятимиллиметровую и шестнадцатимиллиметровую в специальном боксе Массарского, такой снимали «Человека-амфибию». Красивый получится фильм, уверен Ивин.

– Серега, хорошо слышишь? – спрашивает страхующий Коган.

– Хорошо. Ты трави сигналку. Не жадничай.

– А ты не спеши.

– Понял тебя. Не спешу.

Он плывет к следующему штырю. Здесь подошва айсберга едва холмистая, выступы – сантиметров двадцать.

– Проверь фоторегистратор, – просит Коган. – Держат мои прокладки?

– Понял. Сделаю.

– Где ты сейчас?

– У тринадцатого датчика.

Ивин осматривает регистратор.

– Прокладки держат. Только немного заедает спуск… В остальном норма. Двигаю дальше.

– Работаешь полчаса.

– Так вот чего я проголодался.

– Скоро закругляться, Серега.

– Понял.

Ивин слышит далекий гул, будто ветер задувает в расселины, – это грохочут льды.

– Что за шум? – спрашивает Ивин. – Слышишь?

– Подвижки, – отвечает Коган. – Недалеко.

Ивин представляет, как приросшая к айсбергу льдина взрывается изнутри и у самого края начинают ползти, взбираясь одна на другую, льдины.

– Опасно?

– Нет. Мы нормально. Заканчивай, будем тебя поднимать.

– По…

Ивина неожиданно сдавливает в талии. Кто-то сильный и гибкий сжимает ноги. Гидролог опускает глаза и вздрагивает: его обвивает арктический спрут, еще не известный науке монстр. Свободные щупальца тянутся к маске, загубнику. Огромные льдистые глаза смотрят на Ивина.

Ноги стягивает обручем.

Ивин дергается изо всех сил, и осьминог тоже ворочается, выпускает из себя рой белых кристаллов. Становится темно, все заволакивает мелкими льдинками. Хватка не ослабевает.

Ивин больше не вырывается из объятий – подо льдом лучше не пороть горячку. Пока щупальца не захлестнули его руки, он тянется к ножу, одновременно пытаясь рассмотреть спрута. Обзор заслоняет рыхлая муть.

Шуга. Поднятый с глубин донный лед.

Он вывинчивает нож – один поворот, второй, третий…

– Серега, что у тебя?

…четвертый поворот, пятый… Нож высвобождается из футляра, и Ивин бьет осьминога.

Но монстра нет. Вокруг – лишь приставучая шуга. Ивин разгоняет ее рукой с ножом.

Страховочный фал, внутри которого пропущен телефонный провод, обвил ноги – Ивин запутался в тросе. Но это не все. Сигнальный конец натянут струной: зацепился.

– Серега?! – волнуется Коган.

– Погоди. Тут заклинило.

– Что случилось?

Ивин плывет по заклинившему фалу. Фал провисает. Ивин видит причину.

– Ну как? – спрашивает Коган.

– Зажало. По фалу не вернусь.

– Спокойно, спокойно. Серега, у тебя воздуха на десять минут. Сейчас спустим мигалку. Увидишь ее – отрезайся и выходи в запасную лунку.

– Понял.

Ивин смотрит на нож, но не спешит. Теперь у него есть запас троса для погружения. Где-то наверху парни – Шахнюк и Мартынцев, гидробиолог из института океанологии – бегут к запасной лунке, чтобы утопить в ней фонарь. Коган остается в палатке, в ухе Ивина.

– Видишь мигалку? – спрашивает Коган.

– Пока нет.

Ивин не поддается панике. Нужна холодная голова. Смотрит сквозь запотевшую маску на подошву льдины. Она давит, не хочет выпускать.

Успокойся.

– Теперь видишь?

– Нет.

Если замереть, то время остановится. Если замереть, не нужен будет воздух. Лед забудет о нем. Ивин прогоняет опасные дикие мысли.

– Выступ мешает. Опустись глубже.

Ивин уходит на глубину, поглядывая вверх, на изнанку льда. Высматривает мигающий свет – на глубине его не будут заслонять торосы. Он должен найти мигалку.

– Отошел? Видишь?

– Не вижу.

– Серега… Опустись ниже.

Ивин смотрит на глубиномер. Циферблат фосфоресцирует, как крошечная медуза. Выступ заканчивается, Ивин погружается и вдруг видит пятнышко света, оно подмаргивает.

– Есть! Вижу мигалку!

Ивин примеряется ножом к страховке.

– Режу фал!

– Пошел! – кричит в наушниках Коган. – Достаю!

Кажется, Коган думает, что вытягивает его. Но сигнальный конец, как и прежде, зажат безжалостным льдом. Ивин не чувствует натяжения – никто не тащит его к лунке, свету, лицам друзей.

– Еще немного, Серега. Давай. Видим тебя…

Ивин перерезает фал – наушники замолкают. Нет времени слушать. О чем говорил Коган? Наверное, Шахнюк или Мартынцев увидел сквозь шугу свет опущенной в лунку мигалки или что-то еще – и подумал, что это всплывает Ивин… Нет времени, совсем нет времени. Скоро закончится кислород.

Ивин огибает торос и всплывает к мигалке.

Шахнюк и Мартынцев ждут его наверху. Он видит их

сквозь толщу льда в своем воображении. Гидролог

и гидробиолог сидят над запасной лункой, вода отливает свинцом – в ней кружат осколки ледяного сала. Ивин присматривается к напряженному лицу Шахнюка. Сосульки в окладистой бороде. Цепкие голубые глаза, в которых и экспедиции на ледоколах, и установка на океанском льду дрейфующих радиометеорологических станций, и подводное плавание. Рукодельный парень: если что, соберет снаряжение из подручных материалов – маску, трубку с шариком для пинг-понга вместо клапана…

У Ивина сдавливает в груди. Пальцы разжимаются, и нож медленно падает.

Ивин смотрит на подмигивающий свет.

Это не мигалка. А лампочка, которую сорвало и унесло течением с полигона.

Это обман, галлюцинация. Потому что лампочка не должна мигать… не должна даже светить – кабель оборван и тянется за ней мертвым хвостиком.

Мираж гаснет и исчезает в рыхлом облачке. Шуга уносит его прочь.

Ивин находит рукой огрызок фала. Минуту назад он перерезал единственную связь с теми, кто наверху.

Но его нить Ариадны оборвана.

Надо найти мигалку. Снова погрузиться и посмотреть? Или возвратиться к торосу, где застрял сигнальный конец? Хватит ли у него воздуха?

Ивин парит под ледяной броней. Над океанской бездной.

Надо искать выход… надо…

Перед глазами колеблются волнистые стены. Застывшие подтеки. Валы, пещеры и гроты.

Ивин проверяет кислородный прибор. Он снова чувствует страх, концентрированный, спрессованный в белую вспышку, похожий на страх перед первым спуском.

Решает искать запасную лунку. Слышит, что идет торошение, – если сожмет льдину, то лунка схлопнется.

Он разворачивается и плывет от выступа.

Шуга неприятно преобразила подводные хребты и впадины. В пятнах желтого света от фонаря нижняя поверхность айсберга перестает быть удивительно-привычной. Этот мир теперь существует в новых формах, играет ими, меняется.

Ивин плывет под бирюзовой долиной. По льду скользят переливы красок, но не смешиваются, не складываются в единый узор.

Луч фонаря шарит во мраке, выхватывает… дерево.

Ивин очень скучал по деревьям, по запаху леса, густому и живому. Но вмерзшее в айсберг дерево – мертво, одиноко. Оно переливается и ветвится в глубину. Пятиметровый коралл, слепленный холодом и течениями из тонких кристаллов. Хрупкое чудо. Изумительный мираж.

В любое другое время – только не сейчас.

Ивин оплывает дерево, не желая разрушить его случайным прикосновением, – мираж тут же рассыплется, сгинет, –

но через несколько метров оборачивается, чтобы взглянуть еще раз. Ему кажется, что он услышал коралловый звон.

На дереве, выросшем посреди долины, висят мертвые люди.

Дерево острое и твердое, как алмаз. Кристаллические ветви проткнули тела полярников насквозь, раскроили куртки и брюки. Начальник станции висит на самой вершине, лицом в бездну, нож-ветка торчит из его шеи под кадыком; начальник звал подводников «нырками». Ивин узнает радиофизика, узнает радиста, узнает магнитолога… Волосы мертвецов развеваются, точно водоросли. Пустые глазницы смотрят на Ивина.

Тот отворачивается и плывет дальше. Этого просто нет. *Этого просто нет.*

– Поднимайся, – слышит Ивин в наушниках.

Этого тоже нет.

Он перерезал фал.

Он один.

Но как же хочется верить…

– Рома, – онемевшими губами произносит Ивин, – ты?

Только на этой станции с Романом Коганом они совершили больше пятисот погружений. А ведь до этого были еще три станции. Тысячи часов под арктическими льдами. Когану всегда нравился риск. Альпинизм, горные лыжи, подводная охота. Работал спасателем в горах Кавказа. Боксировал и прыгал с парашютом. Одним из первых попросился в группу

для работы на Северном полюсе.

Ивин смотрит сквозь лед и видит Когана, который опускает руку в лунку, шарит в шуге, и что-то вцепляется в эту ищущую руку, и тянет…

Телефон молчит.

Он перерезал…

Ивин мотает головой, ищет взглядом мигалку и обмирает от страха.

Черными глазищами на него смотрит огромная голова с длинным крючковатым носом. Ивин медленно выдыхает. Выточенная водой скульптура теряет сходство с человеческой головой, но не до конца.

В воде светятся крупицы и бледные волокна льда. Такое бывает над станцией, когда летишь на самолете, но здесь, под водой? Шуга искрит в свете фонаря – уродливые города и лица.

Ивин чувствует пальцы, бегущие по позвоночнику, чувствует сквозь два шерстяных костюма и гидрокостюм жесткие прикосновения, которые исследуют его. Он разворачивается и видит что-то распадающееся, потерявшее форму всего мгновение назад. Перед ним плавает облако шуги.

Ивин уверен, что некоторое время назад это облако тянулось к нему чем-то похожим на когтистую лапу.

Он плывет дальше.

Вздрагивает, когда видит огонек. Мерцающий свет манит его в центр лабиринта.

Рваные зубцы и изогнутые складки. Глыбы подводного льда похожи на звериные головы. Ивин плывет по узкому коридору, слева и справа – мощные стены. Ивин осторожно работает ластами. Каждое движение дается с трудом – не только сопротивление воды, но и усталость. Ледяные чешуйки трутся о гидрокомбинезон, кружат у маски.

Ледяные дебри.

Под водой торосы кажутся выше поверхностных холмов. Они похожи на огромные паруса, поймавшие ветер. Но Ивину больше не кажется, что он в Стране чудес. Он не чувствует себя капитаном Немо.

Он по-прежнему видит подмигивающий огонек, держит на него курс, но расстояние как будто не сокращается. Он боится потерять ориентир, неверный свет.

Торосы словно парят в невесомости. Только задень – перевернутся, поплывут, кувыркаясь. Он действительно касается вершины одной из гряд, и рука проваливается в ледяную вату. Торос распадается мутным облаком и закрывает далекий огонек, но на секунду Ивину кажется, что он сунул руку в пасть аллигатора с мягкими зубами. Шуга пробует жевать его кисть.

Перед глазами гидролога взволнованно снуют белесые кристаллы. Ивин перебирает руками в поднявшейся буче. Он должен выбраться, должен успеть, пока в аппарате есть воздух. Дорога каждая секунда, но он не спешит, плывет медленно – и мрак расступается, подводный лес остается по-

зади.

Он поднимается к исподу льдины и пробует его руками, словно ищет потайную дверь. Перед лицом оказывается глубокая впадина.

Ивин загипнотизированно смотрит в лакуну. Сейчас оттуда вынырнет льдистая рука, сожмет его до хруста костей и заберет в темноту. Он видит этот жуткий образ секунду-две, а потом смаргивает. Водит «дворником» по маске – «снимает туман».

Соберись.

Даже если огонек – обман, он может выйти через разводье. Оно недалеко от запасной лунки: черная трещина, от которой идет пар, будто океан дышит полной грудью. Так, так… Он взял от плантации реперов вправо по выступу и, кажется, сильно не петлял… Разводье должно быть там, за подводным хребтом.

Ты в это веришь?

Даже если он ошибается, то уходящая в глубь океана стена, на которую он сейчас смотрит, вполне может быть вставшим на дыбы огромным обломком льдины, а значит, он рядом с разломом…

Ты в это веришь?

Ивин плывет к отвесной стене дрейфующего острова. Волнистая голубоватая поверхность уходит вниз.

Ивин спускается. Подносит к маске циферблат глубиномера.

Пятнадцать метров. Ледяная стена не кончается. Ивин вытягивает руку, скользит пальцами на льду, и сонм мелких хрусталиков отрывается от айсберга и кружит перед лицом. Сквозь дымку воды видны темные глинистые прожилки. Гранулы грунта – прошлое планеты. В следующий раз надо прихватить бур – высверлить цилиндрик на анализ.

В следующий раз…

Стена обрывается. Ивин подныривает, мельтешит ластами.

В ушах стоит зловещий гул. Усиливается. Ивин видит, как по отвесной стене змеится трещина. Черная полоса делит мир пополам. В карманах ледяного склона едва заметно, словно дыша, шевелится тьма. Огромный обломок острова вздрагивает, отрывается и скользит на дно. Перед глазами мелькают застывшие волны голубого льда.

Ивина засасывает следом. Кружит, пытается сломать.

Он яростно сражается со смертельным водоворотом. Колотит по воде руками, перебирает ногами по тонущей льдине, отталкивается от края…

Вырывается и летит вверх с огромной скоростью – так кажется, потому что льдина уходит вниз, а Ивин стремится в противоположном направлении.

Ивин поднимает голову, и ему мерещится проталина. Он поднимает руку и упирается в лед, прозрачный, чистый, как стекло, лед, в котором гаснут солнечные лучи, – или многометровая толща светится изнутри.

Ивин колотит по льдине кулаками.

Замирает и медленно оборачивается. Что-то приближается из тьмы, в которой теряется луч фонаря. За складчатым рельефом будто лежит стремнина.

Фонарь испускает безжизненный свет, и Ивин спрашивает себя: что кончится раньше – батарейки или кислород?

Не может быть…

Он видит фигуры. Их две, они движутся в его сторону.

Мартынцев и Шахнюк? Спустились на поиски? *Родные мои…*

Мартынцев плывет немного впереди. Тянет руки. Ивин понимает, что на гидробиологе – на том, что он принял за гидробиолога, – нет маски. Видит стеклянное лицо, лишенные выражения глаза.

Вторая фигура, похожая на Шахнюка, тоже без маски, и это нисколько ее не смущает. Лже-Шахнюк плывет, прижав руки к телу, и вдруг резко изгибается на девяносто градусов, будто морской лев, и уходит на глубину.

Ивин отстегивает молоток.

Приближающийся лже-Мартынцев смотрит на него слепыми пористыми глазами. Тянет и тянет руки – они удлиняются, истончаясь; отделившиеся от предплечий кисти плывут к Ивину. Плоское лицо торчит на длинной кристаллической шее; над головой – нимб из взвешенных в воде ледяных игл.

Живые фигуры сделаны из шуги, ледяного сала и снежу-

ры. Они серо-коричневого цвета из-за включений песка и земли, характерных для припая. Чешуйки льда очерчивают знакомую форму лица. Чересчур большую голову…

Ивина накрывает волна ужаса. Закричать мешает загубник.

Лже-Мартынцев все ближе.

Ивин пытается отплыть. Замахивается молотком.

Но фигура из шуги неожиданно распадается, превращается в кристаллическую осыпь. Вязкая масса летит во все стороны, заслоняя обзор.

Ивин не хочет выяснять, куда делась вторая фигура. Но лже-Шахнюк сам напоминает о себе, выныривая из облака шуги, в которое превратился лже-Мартынцев.

Фигура всплывает из тьмы под ногами Ивина. Рот лже-Шахнюка распахнут, не рот, а звериная пасть, внутри которой квадратные зубы, похожие на клавиши, зубы монстра – такие зубья образуются, если ломается нилас, эластичная корка льда.

Фигура дергается, копирует позы мертвого человека. Льдистые глаза смотрят прямо на Ивина.

Гидролог направляет чахлый луч фонаря в скалящееся лицо и, когда фигура замирает, словно заколдованная электрическим светом, опускает молоток. Удар похож на неспешный замах, перемотанный в обратную сторону. Молоток проваливается в голову твари. Лже-Шахнюк разлетается на мелкие куски.

Ивин смотрит вниз, будто там, на глубине, еще что-то происходит.

Поднимает взгляд. Куда плыть? И, словно мираж, вдруг видит в шуге над головой светлое пятнышко. Оно мигает, зовет.

Ивин плывет на моргающий свет. Льдистая крупа бьется о широкие ладони гидролога.

Он заблудился, но нашел выход. Он выберется. Всегда выбирался.

Всегда.

…побережье океана занесло снегом. Белым-бело. Но скоро белое станет серым, потом черным – накроет полярная ночь. Ивин потерялся на пути к станции.

Под полозьями нарт скрипел снег. Упряжка из восьми собак сибирских и колымских пород неслась по нескончаемой тундре. Собаки были разноцветные, как карандаши: белые, серые, бурые и черные. Глядя на них, Ивин отдыхал глазами от слепящего снега. В первой паре бежал бурый вожак по кличке Новый Год, выше остальных собак в упряжке, длинноногий, сильный, умный.

Но сейчас Новый Год едва волочил лапы, оглядывался

на хозяина, не знал, куда бежать. Ивин остановил упряжку: пускай передохнут. Стянул рукавицы, достал портсигар, закурил. Началась пурга. Ветер пронизывал кухлянку, залеплял глаза, пытался вышвырнуть из саней. Как тут найдешь старую охотничью землянку, оборудованную под кормовой склад? В снежной круговерти он едва различал силуэты собак.

Новый Год постоянно останавливался, пытался свернуть. Ивин швырнул в него ледышкой. Пес закрутился на месте, заскулил.

Ивин спрыгнул с нарт и пошел на упрямого вожака.

Отходил дубинкой по бокам.

Новый Год ни в какую.

Ивин сдался, спрятался от ветра за нарты. Бездумно сидел, отхлебывая из фляжки спирт. Смотрел на свои большие руки, просто огромные в рукавицах, сжимал окоченевшие пальцы. Над опущенной к коленям головой мело и выло. Неужто все…

Ивин поднял голову и вгляделся в колкую серую мглу. Почти сразу заметил какое-то темное пятно. Сморгнул. Пятно не исчезло.

Он тяжело поднялся и пошел к пятну. Понял, на что смотрит. Упал на колени, стал грести снег, сначала руками, потом, сбегав к нартам, саперной лопатой. Раскопал печную трубу.

Вожак вывел его к землянке.

Ивин раскопал дверь и впустил собак. Взял в руки морду Нового Года, попросил прощения.

В землянке были дрова и керосин. Под шкурой, постеленной на нары, Ивин нашел замусоленную Библию с карандашными каракулями на полях. Заметки оставил какой-то охотник. Пережидая пургу, Ивин расшифровывал написанное: «Погода портится», «Сегодня холоднее, чем вчера», «Целое небо туч, идут с востока». На одной из страниц охотник написал: «Лопнул термометр, запасного нет». А дальше: «Сегодня снег злее». Через несколько страниц: «Слышу его, говорит со мной». В свете керосиновой лампы Ивин вглядывался в пляшущие закорючки: «Видел лицо на снегу, большое, будто кто крикнул снизу». Ивина охватило странное волнение. Последняя запись: «Меня вырвало снегом».

В землянке было душно, видимо, в щели набился снег. Над крышей подвывал ветер, Ивин лежал на нарах в полудреме с Библией на груди. *Меня вырвало снегом…*

Пурга закончилась на четвертый день.

Ивин парит между небом и землей. Между твердым небом и бездонной землей.

Он видит, как бьется сердце айсберга. Огромный цельный

кристалл, реликтовый лед – он сокращается, сокращается, сокращается, и шуга течет, омывая остров.

Ивин парит между реальным и мнимым.

Он почти готов сдаться. Заснуть в неспокойных вездесущих кристаллах льда. Заснуть и проснуться в домике под гул ветра, который бежит над бесконечным океаном, цепляется за мачты и постройки, или в палатке, разбитой на краю ледяного поля; в палатке тепло, возле двухконфорочной плиты лежит Пак, на заколоченном ящике с неприкосновенным запасом сидит Коган, смотрит с прищуром, и уже вскипает чайник, и готова в кружке заварка…

Нет, надо бороться. Попытаться вырваться из-под пяты ледяного острова… Мысли расплываются, тянут на дно…

Пузырьки углекислого газа громко поднимаются вверх.

Над ним толща льда. Под ним Ледовитый океан, трехкилометровая бездна. *Я могу упасть. Я уже падаю. И буду падать… долго, очень долго.*

Ивина одолевает сонливость, голова кружится, в ушах шумит. Он пытается вспомнить, куда плыл. Редко, неглубоко дышит. Хочет закрыть глаза, но тут что-то жалит его в ногу. Обжигает крапивой.

Он открывает глаза и смотрит вниз.

В замутненной шугой воде удаляются длинные нити, развевающиеся под шляпкой фосфоресцирующего гриба. Он видит порванную штанину комбинезона – наверное, разрезал о падающий на дно обломок льдины – и чувствует под-

кожный жар. По коже словно провели горячей иглой.

Медуза… его ужалила медуза…

Откуда она взялась?

Он сосредотачивается на льдине над головой. Где-то должна быть лунка, или проталина, или трещина. Снова находит глазами моргающий свет, вспоминает, что это, чем может быть, и плывет к нему.

Чувствует эйфорию с примесью невнятной тревоги. Чувствует огонь в мышцах.

Путешествуя на собачьих упряжках, он грезил небом Арктики. Мечтал летать на ледовой разведке. Глядя в блистер, читать льды, изломы разводий, похожие на черные рты, предсказывать по ним будущее. Но арктическая навигация начиналась и заканчивалась летом, поэтому Ивин пошел в гидрологи.

Сейчас он как никогда далеко от неба.

Он видит просвет над головой. Лунку, забитую ледяной кашей. Мириады кристаллов поднялись с океанского дна в колодец.

Плохо соображая, Ивин лезет вверх. Работает руками, ледяные осколки рвут комбинезон. Перед глазами одна шуга, она строит ему гримасы, заползает под костюм. Идет и идет снизу.

У него кончается воздух… или уже закончился?

Ивина подташнивает. Он боится, что его вырвет… *шугой* и он захлебнется в нескольких метрах от спасения. Мышцы

лица судорожно сокращаются, сводит живот.

Он застревает.

Нет, нет, нет!

В середине лунки из-за смерзания образовалась талия. Ивин не может сдвинуться с места. Сознание пульсирует, пытается прыгнуть во тьму, но ему удается собраться. Он отталкивается и снова погружается. Баллоны расширяют проход, сбивая шугу со стенок.

Он выскальзывает из колодца, начинает работать ластами и снова идет наверх. Сейчас он увидит лица ребят, солнце…

Руки уже не колотят по стенам – скребут.

Он снова застревает.

На это раз крепко, точно в тисках. Не может пошевелить плечами. Правая рука торчит вверх, тянется к просвету.

У Ивина слуховые галлюцинации. Он слышит то звенящую тишину, то скрежет трущихся друг о друга льдов, то… безумный крик.

Сердце колотится в груди, его сердце, раненое, испуганное. По телу бегут волны болезненных спазмов. Мысли путаются, но в этой карусели отчетливо проступают два слова: *он живой*.

Лед живой…

Капризное, враждебное, коварное существо. Вершина эволюции которого – айсберг. Тысячелетняя массивная глыба плывет по столбовым дорогам, покрывается голубоватыми прожилками замерзшей в трещинах воды, тает и шипит,

отдавая частички воздуха, разрушается и стареет.

Лед сильнее человека, всегда был и всегда будет. На дне океана лежат самолеты, под лыжами которых раскололся лед. Льдины затирают суда в каналах, с трудом проложенных атомоходами и ледоколами-танкерами. Лед коварен. Всесилен. Смотри, человек, на его мышцы, на его кости, на его кровь…

Слепнущими глазами Ивин смотрит на шугу. Пытается отделаться от мысли, что она – нечто большее, чем кристаллы льда. Нечто намного большее.

Нет, не кровь… а мысли айсберга. Скверные, темные, рассерженные. Ивин почти уверен в этом.

Со всех сторон страшно трещит лед.

Сдохни.

Оживает телефон. В наушниках какой-то шум: треск, скрежет, с каким ломается припай, шуршание льдинок… и тяжелый стон, и чей-то голос, глухой, холодный.

Вода умеет помнить, так почему бы ей не уметь злиться? Накапливать злость?

Ивин закрывает глаза. На его руках и ногах – лед, глыбы льда. В баллонах закончился воздух.

Сдохни!

Теряя сознание, он понимает, что слышит голос айсберга, и уже не чувствует, как кто-то хватает его за руку.

Холодные песни

ОДРАН

Одран проснулся от кошмара. Мерзкие картины отложились в памяти.

Кочегар сел на койке и осмотрелся, весь дрожа. В иллюминатор лилось отраженное от воды лунное свечение. Мир по эту сторону толстого стекла, ужатый до размеров каюты, казался чужим и пугающим.

Одран зажмурился, надеясь, что в темноте под веками каюта преобразится, станет более знакомой и благосклонной, но сон смешал реальность последних дней и жуткие фантазии.

Во сне Одран снова поднимался на борт лайнера «Ла Бургонь», который стоял в нью-йоркском порту, снова бункеровал уголь, мыл судно от угольной пыли, нес первую вахту в глубине судна, выполнял приказы людей сверху, даже не зная, что происходит на ходовом мостике. Звучно шаркая лопатой о железные плиты, кочегар закидывал в топку жирный малозольный уголь. Котел просил еще и еще. Шлак покрывал машинное отделение, густой, сернистый. Лязгали чугунные топочные дверцы, сами по себе, будто играя с Одра-

ном: успей закинуть лопату, пока мы открыты.

Дверцы замерли, распахнувшись, и тогда сон обернулся кошмаром. В жарком, ослепительном чреве топки возникла фигура. Кочегар вглядывался в топку и не мог понять, чем занят объятый огнем человек. Кажется, он фотографировал, но использовал для этого не громоздкий аппарат, а нечто более утонченное и диковинное. Никакой ручной фотовспышки, никакого ящика на треноге. Одран понял, что человек снимает мертвецов. Те сидели в креслах с подлокотниками, их головы сжимали фиксаторы. Кожа почернела, тела вздулись, в неподвижных глазах отражалось пламя. Вид покойников (*утопленников*) ужаснул кочегара. Он узнал некоторых из них: капитана Делонкля, офицера Пишана, второго механика Русселя, рулевого…

Одран почувствовал: в топке есть кто-то еще, он притаился прямо за передней стенкой, он ждет…

Вот что приснилось Одрану. Выбило из колеи.

До вахты оставалось больше часа.

Неожиданно Одрана бросило вперед, лицом в палубу. Каюта словно попыталась выплюнуть его тело, покрытое липкой пленкой кошмара, избавиться от него, но смогла лишь скинуть с койки. Инерционный удар застал врасплох, кочегар сильно приложился скулой об истертые доски: лицевую кость пронзила жгучая молния.

Одран тут же вскочил на ноги. Он проснулся окончательно.

С пароходом что-то случилось – кочегар ощущал это внутренностями. Но что?

К машине и котлам, в среднюю часть трюма, вела «парадная лестница кочегаров», закрытая для пассажиров. Путь до машинного отделения был похож на почти мгновенное перемещение – секунда страха и надежды на лучшее, растянутая в горячую струну. Одран сбежал по наклонному трапу, хватаясь за поручни, с ужасом глядя, как океан проталкивает в лайнер свое щупальце. Корпусная пробоина выглядела скверно, очень скверно; отделение заливала вода.

Надрывно трезвонил машинный телеграф, никто не откликался. Рядом с тумбой плавало тело вахтенного начальника, обваренным лицом вверх. Стрелка машинного телеграфа замерла в положении «Полный вперед».

Ревели топки, в раскаленные котлы с шипением хлестала вода.

– На палубу!

Кричал старший механик. Одран узнал его голос в оглушительном шуме ухающих двигателей, что было маленьким чудом. Бессмысленным, но все-таки чудом.

Жарко, как же жарко.

«Ла Бургонь» тонула. Захлебывалась океаном, глотала смерть разорванным металлическим ртом. И если не закрыть водонепроницаемые отсеки…

Одран кинулся задраивать двери: прижимал полотно к переборке клиновыми задрайками, благословлял резиновую

прокладку, прижимал к переборке… На это ушло не больше минуты – целая вечность.

Закончив, он увидел, что машинная команда бежит по трапу к сходному тамбуру. Ботинки машинистов, механиков и кочегаров сотрясали узкие решетчатые конструкции: наверх, к крышке люка, прочь.

– Спасайся! – проорали с трапа. Кажется, второй механик. – Скорей, на палубу! Через десять минут пойдем ко дну! Скорей!

Машинный телеграф замолчал. «Что сейчас творится на ходовом мостике?» Мысль показалась неуместной: рубка словно находилась в тысяче миль над головой, а он, Одран, барахтался в аду. Ад пенился и бурлил. Кочегар был по пояс в воде.

Десять минут – вот сколько ему отмерено. Ему и судну, будто двум поклявшимся умереть в один день влюбленным. Одран застонал, потом зарычал. Ну нет! Он не умрет с этим великаном, чье паровое сердце отмеряет последние удары.

Одран стал пробираться к трапу. Его вахта закончилась, не начавшись.

Громоздкие котлы еще работали, не все, но работали, вливая в неповрежденные паропроводы лайнера предсмертные судороги. Огромные механизмы, суставы которых смазчики весь путь обихаживали масленками, взмахивали блестящими деталями. В лязге и грохоте сквозили фальшивые ноты, и на этот раз причина пряталась не в какой-нибудь мелочи –

шпонке или гайке, а в агонии всей машины, которая разваливалась, умирала, в корчах своей ленивой гибели умудряясь принести человеку еще немного пользы. Движения.

Вибрировали переборки. Желудок Одрана кренился вместе с пароходом. Кочегар уже тянул руку к поручню, несмотря на то что до трапа оставалось три-четыре больших шага, тянул, чтобы выбраться из опасной воды, чтобы начать путь на палубу, когда…

Вокруг хватало гула, лязга и шипения, но новый звук заставил Одрана присесть, хлебнув воды с мазутом. Потолок раскололся. В машинное отделение рухнуло что-то большое и смертоносное. Расположенный над машиной световой люк – большой прямоугольный пролет – взорвался обломками застекленных рам.

«Дымовая труба», – понял Одран. Одна из двух конструкций, цвет, форма и положение которых определяли красоту лайнера «Ла Бургонь», сложное арматурное устройство… Сейчас оно не олицетворяло мощь паровой машины, а срывало трапы и людей вместе с трапами. Дымовая труба обрушилась на машину. Если бы Одран ступил на решетку нижнего трапа, то превратился бы в красную пену. Очередное чудо, на этот раз с отсрочкой нового – черного чуда забвения.

В бурлящей воде кружили раздавленные тела. Одран увидел старшего механика, затем другого мертвеца и содрогнулся – череп второго механика словно расплющило гигантское копыто. Кочегар застонал. Он угодил в ловушку.

В клетку.

Вода наполняла внутренности парохода, крен которого продолжал увеличиваться. Путь наверх был отрезан.

«Не выбраться, – подумал он, парализованный красным страхом. – Еще пару минут, и…»

Что-то коснулось его в воде, что-то холодное, но живое в своей подвижности. Не деталь сломанных механизмов, не рука или нога мертвеца, нет…

Одран закричал, не смог сдержаться. Кошмар снова змеился рядом. В изгаженной нефтяным маслом воде.

Он всматривался, но ничего не видел. Слева раздался всплеск. Озноб стянул кожу, превратил ноги в неудобные ходули.

Кто-то позвал его. Позвал нежно и в то же время властно. Душа кочегара ушла под мутную воду. Он снова закричал, чтобы вытошнить необъяснимый страх.

Всплеск. Теперь за спиной. Одран обернулся и увидел, как перед вентилем предохранительного клапана, перед манометрами с мертвыми стрелками взметнулся чешуйчатый хвост. Поднял тучу брызг и скрылся под маслянистой пленкой.

Огромный хвост с черным плавником. Такой хвост мог принадлежать рыбе размером с взрослого человека.

У Одрана не получалось сделать вдох. Возле правого бедра снова кто-то проплыл, кочегар почувствовал движение, угрозу, чужой тошнотворный интерес. Давясь криком, он

медленно повернулся к переборке, с которой дымовая труба сорвала все трапы.

Над водой плясали тени. В затапливаемом машинном отделении Одран был не один. Что-то проникло в котельные через пробоину.

Одран подумал об акуле (хвост, что он видел несколько секунд назад, не был акульим, и кочегар почти жалел об этом), осмотрительном хищнике, который способен подолгу кружить рядом с жертвой, уменьшая круги, утверждаясь в своем превосходстве. Кочегар почти видел в темной воде длинное акулье тело. Рыба готовилась к атаке: горбила спину, опускала грудные плавники, нетерпеливо двигала хвостом. Что случится секундой позже? Оглушающий удар? Скальпирующий укус?

В колено Одрана что-то ткнулось, несильно, словно нос собаки. Кочегар стоял в воде, ни живой ни мертвый от паники и ужаса. Его сердце безысходно колотилось, в горле застрял комок воздуха.

Вода забурлила. Мазутное пятно перед Одраном порвалось, и на поверхности показался гигантский хвост, а затем спина неведомой твари, покрытая уродливыми горбами. В развороченную крышу смотрела тающая луна, и в ее скудном свете Одран видел, как всплывает и снова исчезает в воде воплощение черного безумия.

Он не мог умереть здесь… рядом с *этим*…

Насыщенный паром воздух обжег легкие. Машину разди-

рал жуткий гул. Механизмы варились в каскадах воды. Попробовать нырнуть в пробоину и выбраться у борта? Нет, не при таком напоре воды, в которой к тому же плавало… плавали…

Выхода нет. Выхода нет. Выхода нет.

Шум утих. В голове остался лишь плеск воды. Казалось, ад затаил дыхание. Одрана охватило неестественное оцепенение, хрупкое и едкое, оно разбилось, как только кочегар почувствовал более смелое касание, почти укус. Он закричал и ринулся к вентилятору.

Мысль о трубе вентилятора манила спасением. «Скоб-трап, в трубе есть скоб-трап! Он ведет на палубу, я выберусь, выберусь!»

Крен парохода затруднял движение, Одран будто взбирался на холм – на холм из рифленого железа, который уходил под воду. Машина щетинилась маслянистой сталью, путь преграждали балки и валы; он переваливался, подныривал.

У первой топки его настигли.

Хвостатая тварь ударила в пах, точно собираясь покончить с кочегаром столь унизительным способом. В его мошонке произошел небольшой взрыв. Боль сменилась облегчением, когда Одран увидел, что его атаковал не монстр, а старший механик… Голова мертвеца врезалась в его яички, вернее, он сам налетел на серый череп, рядом с которым на лоскуте кожи плавало оторванное ухо.

Судно дрожало – посмертные конвульсии, потому что все

было кончено с того момента, как Одрана вышвырнуло из койки. Для лайнера – да, для кочегара… кто знает? Он был по-прежнему жив, пускай и с ушибленными яичками.

Не паниковать. Только не паниковать.

Машинное отделение превратилось в огромного пса, который вылизывал лицо Одрана горячим языком. Раз или два кочегар слышал за спиной всплеск, но не оборачивался. Вперед, вперед…

Оказавшись в вентиляционной шахте, Одран заплакал от облегчения. Слезы текли по грязным щекам. Ладони кровоточили, на приваренных к внутренней поверхности трубы скобах оставались лоскуты кожи. Он взбирался и взбирался: скоба, еще скоба, еще… Кто-то лез следом, но тяжело и медленно, словно не имел ног. Одран смотрел только вверх. Потому что внизу карабкалось нечто неправильное, несовместимое с рассудком.

Через две минуты – длинные, бесконечные – Жозеф Одран вывалился из раструба вытяжной трубы на деревянный настил палубы. Тут же приказал себе подняться на ноги.

Он оказался около тамбура, надстроенного над люком машинного помещения. Створки двери были распахнуты. Внутри, на ящике с ветошью, сидел человек. Скорее всего, кто-то из кочегаров или масленщиков, тот, кто успел взобраться по трапу до падения дымовой трубы. Глаза неподвижные, мраморно-холодные, лицо в каменноугольной пыли и свежей крови, не узнать. Кочегар или масленщик курил.

Одран шагнул в тамбур, тронул бедолагу за плечо. Тот дернулся, поднес к трещине рта папиросу (Одран увидел пеструю от нефти, искалеченную кривошипом кисть) и затянулся, продолжая пялиться в невидимую точку. Из черепа, над правой бровью, торчала шляпка заклепки.

Одран отступил и осмотрел палубу.

Увиденное лишило его всякой надежды.

Настоящие чудовища были здесь, наверху, под рваным предштормовым небом.

ХЕНДЕРСОН

Оскар Хендерсон, капитан парусника «Кромантишир», стоял на палубе в туманной ночной тишине. Тишина… К голосу бегущего по волнам английского барка капитан давно привык, как к ударам собственного сердца.

По палубе скользила улыбка луны. Судно приближалось к району легендарного «острова призраков» Сейбл. Об этом говорили не столько карты, навигационные приборы и опыт Хендерсона, сколько непроницаемая дымка, вековая печаль океана. Про`клятый остров почти всегда кутался в туман, маскировал в густом мареве ловушки песчаных отмелей.

Но капитана тревожила не близость коварного Сейбла, а идущие навстречу, со стороны американского берега, суда.

С севера наползала крутая черная зыбь. Час назад Хендерсона разбудил вахтенный штурман – ухудшилась видимость.

Чертов туман! «Кромантишир» шел правым галсом, шестиузловым ходом; полуслепой, но грациозный.

Ночной ветер набивал нижние и средние паруса, облизывал зарифленные брамсели. Горн на носу барка издал протяжный звук – струя воздуха, пропущенная ручным насосом через рожок, ударила в вибратор, – и капитан вздрогнул. Туманный сигнал давали каждые две минуты.

Потоптавшись у борта, Хендерсон направился на ходовой мостик.

За штурвалом стоял плечистый парень с красным лицом и рыжеватыми волосами. Вахту нес Александр Стюарт, третий штурман. Он приветствовал вставшего справа капитана.

– Туман, – сказал штурман со значением.

Капитан пригладил широкой ладонью черную бороду.

– Сейбл, Стюарт, – отозвался он, глядя в ночь, – треклятый туман острова Сейбл.

Напевный говорок Хендерсона странным образом противоречил его внешности, пропитанной солью и романтизмом дальних плаваний.

– Вы ведь знаете, как прозвали этот остров? Слышали хоть одно из его черных имен?

– Да, сэр. Кладбище Северной Атлантики, – ответил Стюарт без раздумий.

Капитан кивнул:

– Так и есть. А еще – Остров призраков, Пожиратель кораблей, Сабля смерти, Кладбище тысячи капитанов… – Он

замолчал, будто тяжесть имен легла проклятием.

«Кладбище тысячи капитанов» – эхом звучало в голове Хендерсона. На столь мрачную репутацию Сейбл наработал сполна.

– Недавно вот столкнул два немецких парохода…

– Столкнул? – Стюарт покосился на капитана. – Остров, сэр?

Но не получил ответа. Капитан продолжал:

– Что интересно, пакетботами владела одна компания. Капитаны даже дружбу водили. «Гейзер», под командованием Моллера, вмещал две тысячи тонн. А «Трингвалла», за штурвалом которой стоял Ламб, – две с половиной тысячи. Капитаны слишком поздно заметили друг друга, а всё туман, высокий, выше грота. Моллер и Ламб успели дать машинам «стоп», но пароходы шли на полном ходу… Вы видите их, Стюарт? Видите неизбежность их жуткой встречи?

Штурман видел. В странном оцепенении смотрел он на капитана, словно на месте Хендерсона стоял Моллер или Ламб, только что рванувший рукоятку машинного телеграфа в положение «Стоп».

– Черт подери, это был явно не их день! Ламб положил руль на левый борт, а Моллер – на правый, точно сговорились! «Трингвалла» протаранила «Гейзер», как осадная машина – ворота крепости, ударила в борт позади грота. Пакетбот Моллера рассекло пополам, и если есть в этом преувеличение, то совсем малое. Семь минут – вот что осталось

у «Гейзера». Семь минут на плаву. С парохода удалось спустить всего три шлюпки, одна опрокинулась. Океан забрал сто душ. От такой же печальной участи «Трингваллу» спасла таранная переборка. Судно черпало воду, но держалось – достаточно, чтобы ему улыбнулась удача. «Трингвалла» встретила «Висланда», южноамериканская линия, и Ламб пересадил на судно пассажиров и команду. Больше полутысячи человек! А если бы и они пошли ко дну?..

Капитан замолчал. Не мог избавиться от дурного предчувствия. Рассказ о столкновении пароходов – храни Создатель души погибших! – только усилил волнение. Хендерсон, чувствуя цепкий взгляд штурмана, хотел было продолжить, но услышал шаги, осторожные, почти извиняющиеся шажки, которые могли принадлежать лишь его жене.

Сигнал туманного горна ушел в хмарь. Женщина поежилась:

– Оскар, этот звук… Он разбудил меня.

– Всего лишь пущенный по трубе воздух, дорогая. Как дети?

– Спят.

– Проводить тебя до каюты?

Она всматривалась в густое марево впереди бушприта «Кромантишира», точно хотела разглядеть в нем… кого-то…

– Мне снилась Рени, – тихо сказала жена капитана.

…кого-то… их мертворожденную дочь. Сердце Хендер-

сона окатило ледяной водой.

– Смотри, Оскар, этот туман! Он словно стена, преграда, ловушка… Он не хочет, чтобы мы видели…

– Не говори глупостей, океан в этих местах всегда укрыт туманом.

– Но вдруг мы столкнемся с другим судном.

Супруга не спрашивала, она… Хендерсон отметил взволнованное лицо Стюарта. Капитан постарался сделать так, чтобы голос звучал уверенно:

– Это односторонняя трасса. Другие суда могут быть за нами и перед нами, но все они плывут в одну сторону. Возвращайся к детям, дорогая, а когда прибудем в Филадельфию, вместе посмеемся над твоими опасениями.

Женщина обхватила себя руками. На ней было простое, но изящное платье из узорчатой ткани с длинными рукавами и подчеркнутой талией; юбка струилась по бедрам и почти касалась палубы. Широкую шляпу украшали ленты и перья.

– Оскар, я боюсь. У меня плохое предчувствие.

– Ты просто не выспалась, – ответил капитан. – Смотри, уже светает.

Так и было. Мучительно рождалось утро. Туман распался на мутные полосы, сделался менее густым и опасным. Стараясь согреться, жена капитана принялась ходить по палубе. Два раза она останавливалась у фокмачты и прятала лицо в ладони, ее плечи тряслись, но затем она резко вскидывала голову и с истеричной решимостью шла дальше. Туда и об-

ратно. Туда и обратно.

– Силы небесные, – произнес штурман, – ваша жена, капитан, она…

– Бланш просто напугана, – отрезал Хендерсон. – Туманом. Тяжелыми снами.

Когда к корме барка приближался стук каблучков, Стюарт косился на женщину. Он был тайно влюблен в супругу капитана. Влюблен в ее миловидное лицо цвета морской пены, грустное, изящное. Влюблен в ее тонкую шею, скрытую высоким воротником. В ее светлые пряди. В ее походку и голос. В ее имя: Бланш, Бланш, Бланш…

Штурман понял, что женщина стоит перед ним: его мечта, его наваждение, соль на его глазах; и, о силы небесные, как же она хороша. Ее глаза оттенка темно-зеленого жемчуга прятались в тени шляпы. Бланш смотрела на него… Она спрашивала…

– Хочешь услышать песню глубокой воды? В ней живут мертвые киты, чьи скелеты облюбовали дети придонной королевы. В ней тонут корабли. В ней жены капитанов облизывают члены матросов и офицеров. Хочешь услышать эту песню? Я спою ее для тебя, Александр, лишь для тебя.

Стюарту показалось, что ему срезали лицо, – оно горело, глаза застилала алая пелена. Он плохо понимал, что ему сказала Бланш, ее приглушенный голос был странным, пугающим, будто что-то мешало ей говорить… или говорило за нее.

Штурман дотронулся до своего лица, сухого и пылающего от стыда, от непонимания, от осознания того, что рядом стоит капитан и он слышал эти безумные, непристойные слова своей жены. Слова, которые не только ужаснули, но и возбудили Стюарта.

Ладонь стерла красную муть, зрение вернулось к штурману, и он увидел свою тайную любовь. Женщина стояла спиной к нему, глядя в туманную даль. Она обнимала себя за плечи и едва заметно раскачивалась.

Почему молчит капитан?

Стюарт повернул голову к Хендерсону. Тот ответил задумчивым взглядом и обратил лицо к жене. Он что, не слышал того, что сказала Бланш? Почему он смотрит на нее с тревогой, а не с яростью? Почему они оба делают вид, что ничего не произошло?

Штурман почувствовал тошноту. Неужели он все выдумал? Чертов влюбленный безумец, грезящий наяву… Но почему воображение подкинуло не взмах руки, взгляд, воздушный поцелуй или несколько ласковых слов?.. Почему оно родило этот чужой голос и пропитанное бесстыдством предложение?..

– Оскар, ты слышал? – обернулась Бланш к мужу. «Ты слышал, что я сказала Стюарту? Я предложила облизать его член», – пронеслось в голове штурмана.

– Что слышал? – спросил капитан.

– Гудок… там, впереди. Я думаю, это пароход.

Хендерсон и Стюарт прислушались.

– Тебе показалось, – произнес капитан.

– Я слышала пароходный гудок, это был он. Я уверена. Ты ведь знаешь мой острый слух, Оскар.

Хендерсон хотел успокоить супругу, возможно, снова предложить проводить в каюту, но Бланш резко развернулась и, не глядя на него, прошла мимо и стала спускаться по трапу. К каюте, где спали два младенца: младшие братик и сестричка мертворожденной Рени.

Руки Стюарта мелко дрожали. Рассудок дал крен, агонизировал. Он пытался осмыслить случившееся, воскресить перед внутренним взглядом призрак женщины, которая спрашивала: *«Хочешь услышать песню глубокой воды?»* Штурман хотел. Чтобы она спела, спела только для него. Даже если для этого придется спуститься на покрытое ракушками и костями дно, посинеть и разбухнуть от настырной воды.

Его чувства – едкое непонимание и обреченную решимость – перебил звук, который пришел из тумана и был очень похож на низкий голос пароходного гудка…

Капитан побежал вдоль левого борта к баку, где, навалившись на леерное ограждение над выступающим крамболом, стал вслушиваться в посветлевшую муть. Губы капитана шевелились – Хендерсон считал.

Не успел он досчитать до пятидесяти, как снова услышал гудок, ближе, яснее.

Ветер усиливался, волны разбивались о форштевень и хлестали по корпусу. Капитан сложил ладони рупором и прокричал:

– Эй, «воронье гнездо»!

Сверху, из корзины на фок-мачте, донесся зычный голос впередсмотрящего матроса:

– Капитан?!

– Хэлли, что видно?!

– Ничего, сэр!

– Смотрите в оба!

Океан принес новый, мощный звук. Гудок парохода. Сигналы разделяла минута.

– Большой! – крикнул капитан. – Большой!

Лицо Стюарта перекосилось от ужаса.

– Вижу! Вижу судно! – истошно завопили из «вороньего гнезда». – Слева по носу огромное судно!

Впереди «Кромантишира» из тумана вынырнуло черное туловище двухтрубного парохода с двумя «голыми» мачтами.

– Идем на него!

Галсы барка и незнакомого лайнера сходились – капитан понял это и без крика матроса. Длинное судно на большой скорости шло навстречу. Неотвратимо надвигалось из рассветной дымки.

– Силы небесные… – вырвалось из пересохшего горла Стюарта.

Хендерсон взбежал на корму, оттолкнул рулевого и принялся вращать штурвал. В этом почти не было смысла, он уже видел, как на парусник наползает тень, видел зеленые и красные ходовые огни, желтые зрачки иллюминаторов…

Что-то прохрипел Стюарт, что-то похожее на имя жены капитана – *Бланш*, а потом…

…на фок-мачте парохода Хендерсон увидел Рени.

Она выросла, его дочь, которую достали из утробы матери бездыханной, которая никогда не возьмет отца за руку. За три года, проведенные в стране мертвого детства, Рени превратилась в девочку с длинными темно-зелеными волосами и большими глазами, похожими на глаза рыбы. Но капитан все равно узнал дочь. На Рени было небесно-голубое платье, которое купила Бланш. Купила еще до того, как живот округлился, а глаза Оскара наполнились слезами счастья. «Дети выглядят особенно мило в розовом и небесно-голубом», – говорила Бланш. Платье было на завязках, никаких булавок, даже безопасных, вошедших в моду совсем недавно. Голову Рени покрывал голубой чепчик.

Они так долго ждали ребенка, первенца…

Рени ползла по колонне вверх, словно огромный паук, ее руки и ноги были неестественно вывернуты, а белое лицо обращено к Хендерсону… девочка… существо, похожее на девочку, добралось до фок-рея…

…а потом был удар.

Пояс тумана разорвало на части. Облако брызг достало до

корзины впередсмотрящего. Рулевой и третий штурман не удержались на ногах, но Стюарт, не обращая внимания на разбитые о компас губы, тут же вскочил и ринулся к каютам.

Капитан врезался грудью в штурвальное колесо и на секунду задохнулся, ослеп. Он слышал, как свистят лопнувшие стальные штаги, трещит, ломаясь, рангоутное дерево, звенит и осыпается стекло.

Бом-утлегарь парусника, косо выдающийся перед его носом, пятидесятифутовым копьем проткнул стоявшую на кильблоках шлюпку, разворотил ходовой мостик и, прежде чем обломиться, разрушил часть средней надстройки. Осиротевший утлегарь превратил в щепы две шлюпки и рухнул в океан вместе с рваниной стакселей и кливеров. Там, где не выдержал деревянный брус, справился бушприт барка – наклонная мачта вскрыла борт парохода ужасной раной. Работа закованного в металл мясницкого ножа. Форштевень парусника, точно острие топора, на пятнадцать футов врубился в борт незнакомца.

Хендерсон попытался откашлять боль. С низкого неба, которое коптил черным дым пароходных труб, сыпались обломки мачт, клочки парусов и куски канатов. «Кромантиширр» попал под дождь кораблекрушения.

Капитан вскинул голову.

Рени (не Рени, а огромный паук с ее лицом, демон!) исчезла, ее не было ни на фок-мачте, ни на фор-стеньге, ни на фор-брам-стеньге. Ее и не могло там быть – стеньги об-

рушились на палубу парусника, порвав такелаж и сломав два рея. Капитан испытал облегчение, но тут же захлебнулся волной нового страха: что, если столкновение сбросило «паука» с мачты и он упал на палубу «Кромантишира»? Что, если демоническое создание где-то поблизости?

Он стряхнул опасные для рассудка мысли.

Хвала небесам, удар получился скользящим. Барк шел шестиузловым ходом, а пароход, как предполагал капитан, в два, а то и три раза быстрее: суда столкнулись под острым углом и заскользили вдоль бортов друг друга. Это спасло «Кромантишир»… но не лайнер.

Пароход погубил якорь парусника.

Висящий над клюзом четырехтонный крючок впился в обшивку лайнера у ватерлинии и, волочимый якорной цепью, принялся срывать клепаные стальные листы и крушить иллюминаторы нижней палубы. В правом борту парохода, позади машинного отделения, образовалась большая дыра. Впередсмотрящий с марса лицезрел все акты трагедии: видел, как лапа якоря зацепилась за шпангоут лайнера, как лопнула якорная цепь.

Суда ударились бортами в последний раз и со скрежетом разошлись.

Вцепившийся в штурвал Хендерсон провожал двухмачтовый пароход взглядом человека, только что услышавшего роковой выстрел. Он вспомнил слова жены: «Оскар, я боюсь. У меня плохое предчувствие». Капитан тоже боялся – за лю-

дей на неизвестном судне без парусов.

– Встань за штурвал! – крикнул он.

Рулевой поднялся на ноги.

– Да… сэр…

Смертельно раненный пароход, в растерзанном борту которого торчал становой якорь «Кромантишира», растворился в молочном мареве, словно отправился на поиски мысли, потерянной в голове склеротика.

Хендерсон бросился к трапу.

Распахнул дверь каюты. Бланш держала на руках двух запеленутых плачущих младенцев, перед ней на коленях стоял Стюарт, протягивал руки и бормотал. В бортовом иллюминаторе за спиной женщины возникло лицо.

Лицо прижималось к стеклу. Темное, разъеденное, иссохшее, с красными чешуйками вокруг глаз и рта. Мертвая голова рыбы, человека, морской твари, его дочери. Рени. Хендерсон не знал, почему уверен, что в ужасном лице за каютным иллюминатором есть черты его дочери (он видел труп малышки всего раз, на руках у повитухи). Просто не знал. Впрочем, это не отменяло того ужаса, что он испытывал.

Тонкие, почти прозрачные губы открылись и произнесли всего одно слово. Беззвучное слово. Капитан понял его.

«Папа».

Он почувствовал внезапное головокружение, боль в висках.

Из больших сине-зеленых глаз мертвеца сочилась черная

слизь.

«Иллюминатор глухой, его нельзя открыть, но если она… оно… прекрати!»

Думать следовало о живых – о людях на пароходе. О команде, из которой, кажется, никто не пострадал. О Бланш и малютках.

Хендерсон закрыл глаза и зашептал молитвы. Когда он снова открыл глаза, в иллюминаторе никого не было.

– Оскар, помоги мне! – взвизгнула Бланш. – Стюарт сошел с ума!

Капитан решительно шагнул вперед. Стюарт по-прежнему стоял на коленях, а его просительно вытянутые руки мешали Бланш проскочить к двери.

– Стюарт! Что с вами? Что вы себе позволяете?

Хендерсон положил руку на плечо парня.

Третий штурман никак не отреагировал. Мокрые от слез глаза с мольбой смотрели на Бланш. С мольбой и вожделением.

– Спойте мне, прошу вас… – лепетал Стюарт. – Спасите меня…

– Стюарт! – еще раз попробовал Хендерсон. – Опустите руки! Встаньте!

Он бегло осмотрел малюток: плачут, но целы. Сейчас это главное.

– Спойте мне о глубине и смерти… о любви…

Стюарт опустил руки и зарыдал, задыхаясь, поскуливая.

Некрасивый плач сотрясал его мускулистые плечи. Из лопнувших губ штурмана капала кровь.

Капитан схватил Стюарта за воротник мундира и потащил. Детина весил что обломок якоря. Хорошо хоть не сопротивлялся.

– Закройся на ключ, – сказал Хендерсон супруге.

– Ты куда?

– Я нужен наверху.

Он отволок штурмана к борту, где тот свернулся калачиком и подвывал, затем потянул на себя створку двери; щелкнул замок.

Смешанные чувства капитан попытался изгнать приказами, которых ждала поднятая с коек команда. В голосе Хендерсона звучали хриплые, сдавленные нотки.

– Право на борт, держать в кильватер парохода!

Рулевой крутанул штурвал.

– Следите за сигналами. Осмотрите повреждения и доложите обстановку. Проверьте раненых. И уберите обломки с палубы.

Низкие пароходные гудки удалялись от «Кромантишира», вскоре они стали прерывистыми. «Зацепило паропровод», – с болью в сердце подумал капитан. Гудки лайнера смывало в сторону.

Пробили три склянки. Туман почти рассеялся. Ветер принес звуки выстрелов. «Ракетницы».

Доложили о повреждениях и пострадавших. Барк потерял

бом-утлегарь, утлегарь и бушприт. В носу судна возникла течь, но вода залила лишь форпик. Водонепроницаемая таранная переборка оставила судно на плаву, но «Кромантиширр» не слушался руля. Никто на борту серьезно не пострадал: синяки и царапины.

Хендерсон просигналил туманным горном и приказал второму штурману пустить в небо несколько ракет.

И тогда, стоя на палубе и глядя на красные вспышки, капитан понял… нет, почувствовал, словно пулю, которая угодила в кишки.

Сейбл.

Про`клятый остров.

И еще…

Хендерсон ошибался, думая, что мертворожденная дочь никогда не возьмет его за руку.

БРАЙС

На прогулочной палубе, под которой рабочие толкали тележки с отборным углем, а голые по пояс кочегары подкармливали жар топок, страдал от морской болезни Джон Брайс. Недуг заставил американца облокотиться на борт и жадно глотать влажный воздух.

– Джон? – позвала с шезлонга супруга. – Тебе плохо? Опять?

Брайс слабо кивнул. Второй день плавания, а Европа оста-

валась такой же далекой, как и вчера, – недостижимый клочок суши. Тошнота накатывала приступами, а передышки сулили еще большие мучения. Соленый воздух усиливал головокружение.

Брайс оторвался от блестящих поручней, повернулся к жене и попытался улыбнуться. «Надо вернуться в каюту, – подумал он, – это ужасно, когда женщина видит тебя таким».

Лайнер продвигался по Атлантическому океану. Палуба раскачивалась вместе с желудком Брайса.

Он был достаточно богат, чтобы путешествовать с супругой первым классом, наслаждаться послеобеденными сигарами и виски, но качка обесценила подобные радости. Какая разница, где зеленеть лицом и проклинать избирательность морской болезни: в роскошной каюте первого класса или в пропитанном эмигрантским потом помещении? «Зачем мне электричество? Чтобы увидеть собственную рвоту на ковре? Зачем мягкое кресло? Чтобы корчиться в нем?»

Конечно, ему следовало оставаться в каюте, провести утро в постели, как и первую половину вчерашнего дня с того момента, как пароход «Ла Бургонь» попрощался с американским берегом. Но, проснувшись, Брайс почувствовал себя вполне сносно для прогулки, для острого и сырого воздуха… и поплатился за это. Отвратительный недуг терзал и изматывал. В таком состоянии любые, даже самые сладкие планы на будущее казались гадкой усмешкой, как открытие бизнеса в чумном городе.

«Ничего, Джон, ничего… – успокаивал себя американец. – Всего пара паршивых дней. А потом тебя ждут новый континент, новый дом, новая жизнь с красивой женой-француженкой и заманчивой перспективой орущих карапузов…»

Он неопределенно махнул рукой в сторону лестницы, чтобы Патрисия поняла его намерения, и нетвердой походкой направился к надстройке, в которой размещались каюты и салоны первого и второго класса.

Одни пассажиры прохаживались вдоль бортов, другие отдыхали в креслах, укрыв ноги тонкими одеялами. Щетки матросов оставляли на досках влажные полосы. Пиллерсы и шлюпбалки блестели не хуже драгоценных камней.

Брайс почувствовал на себе чей-то пытливый взгляд. Молодая девушка, стоящая у ограждения вдали от группы хихикающих дам, не сводила с него глаз. Ее волосы были небрежно острижены у плеч, платье выглядело старым. Девушка растерянно шагнула навстречу, и тогда Брайс узнал эти большие синие глаза и удивительно красивые скулы. Когда-то он целовал и то и другое. Когда-то…

Головокружение усилилось, но другие симптомы морского недуга отступили. Брайса охватила болезненная тоска. Он кивнул девушке, затем спешно отвел взгляд и стал подниматься по лестнице. Оказавшись в узком коридоре, по левой стороне которого шли двери с номерами кают, там, где его не могли видеть ни супруга, ни девушка с красивыми скулами, американец остановился и сжал виски ладонями, точ-

но у него неожиданно разболелась голова. Он словно увидел морского змея.

«Это невозможно… Как она оказалась на этом пароходе?.. Какое глупое совпадение, глупая встреча… опасная встреча…»

Он отнял руки от головы – ладони были мокрыми.

«Сейчас… все в порядке… она не осмелится подойти».

Восстановить самообладание Брайс не успел. Девушка приближалась к нему, и трудно было понять, чего в ее походке больше, робости или гнева.

Ее тоже поразила неожиданная встреча, но еще больше – его постыдное бегство.

– Ты ведь узнал меня на палубе, – тихо сказала она, изучая его лицо. – А я… я думала, что все умерло, даже ненависть… Если бы ты просто подошел, но ты…

Брайс чувствовал, как по телу растекается беспомощность. Ноги будто скрепили найтовом.

– Я здесь с женой… – промямлил он.

– Ах, с женой… А она знает? Твоя жена *из первого класса* знает, что ты за человек? Знает, как ты поступил со мной? С другими доверчивыми простушками?

Брайс задохнулся.

– Лизи, прошу тебя…. Других не было… Мы… ты… я испугался тогда…

Другие были, но сейчас это не имело значения. Только Лизи и то, что она снова появилась в его жизни… В его но-

вой жизни, такой хрупкой, такой беззащитной перед синими сердитыми глазами.

– Мне жаль… – выдавил он.

– Тебе жаль?! – закричала девушка.

Сердце Брайса схлопнулось. Ему чудилось, что их разговор слышит все судно. Глаза Лизи стали водянистыми и пустыми.

– О, Джон… Тебе жаль… Ну конечно, тебе жаль. – Она больше не кричала, но ее спокойный голос пугал еще сильнее. – Жаль, что я стою здесь, перед тобой. Что говорю все это. Прошлое вернулось, и оно мучительно, как кривое отражение… Смотри мне в глаза, хоть сейчас смотри! Ты никогда не смотрел мне в глаза, только когда потел сверху… Что ты выискивал в них, мою глупость? У тебя такое лицо, Джон, о, ты бы видел! Но я не призрак, даже не надейся. Призраком стал наш ребенок… – Лизи провела рукой по плоскому животу, и Брайс подумал, что она заплачет. Но она не заплакала. – Сколько лет прошло? Ты считал? А я считала. Сейчас ему было бы пять лет… Но ты сбежал, а я оказалась в сточной канаве, а он, наш… мой бедный малыш…

Брайс не мог вымолвить ни слова. Лизи действительно казалась ему призраком, очень свирепым и опасным. Призраком прошлого, которое шло следом и ни секунды не отдыхало, медленно, но неуловимо приближалось к нему, даже по океану, и вот теперь стоит перед ним.

Проходящий мимо джентльмен с сигарой покосился на

Брайса.

– Негодяй. Проходимец. Самоуверенный и наглый проходимец. – Она надвинулась, чеканя оскорбления, точно бракованные монеты. – Знаешь, через что мне пришлось пройти? Через какие грязь и унижения?

Он внутренне извивался от ее слов. Ветер приносил омерзительный запах – это гнили его мечты.

– Что, твоя жена лучше меня? О да, она ведь совсем другая, она тебе ровня, она богатая… Ведь так? Такую можно не только затащить в постель, но и показать друзьям. Такая родит тебе золотых малышей с первоклассными пуповинами…

Брайс тонул. Бездна затягивала его. Лайнер, палуба, двери превращались в черный ил, который пытался проникнуть в его поры, заполнить внутренности. Вокруг мелькали темные иссохшие формы.

Внезапно видения исчезли. Он снова оказался на пароходе, а лицо Лизи источало холодное презрение.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

В синих глазах девушки вспыхнули злые огоньки.

– Наказать тебя, – почти прошептала она. – Вот чего я хочу больше всего. Я поняла это, когда побежала за тобой.

«Боже, могла ли Патрисия видеть это?» – подумал Брайс.

– Лизи…

– Я думаю, мне стоит поговорить с твоей женой.

– Нет… ты не посмеешь…

– Я? Ты так думаешь?

Он знал ее характер, знал очень хорошо. От ее мести можно только сбежать. Здесь, на лайнере?

– Я заплачу тебе.

– Купишь мою боль?

– Я заплачу тебе, – повторил Брайс, видя в деньгах единственную опору.

Ее красивое лицо, которое в минуты страсти выглядело слабовольным и отрешенным, сейчас выражало холодную уверенность, подкрепленную злостью.

– А знаешь, я подумаю. Жди меня ночью на палубе, там, где сегодня *не узнал* одну из своих любовниц.

– Ночью? В каком часу?

Лизи пожала плечами:

– Я приду в два, может, в три. В третьем классе время ведет себя очень капризно.

И Лизи ушла, прекрасная, молодая, решительная.

Оркестр репетировал в музыкальном салоне, библиотечные лампы ждали любителей литературы. А Джон Брайс стоял в коридоре у двери в чужую каюту. В удушливых объятиях вернувшейся морской болезни.

ДЕЛОНКЛЬ

Пароход «Ла Бургонь» направлялся в Гавр.

Серийный пакетбот сошел со стапелей верфи в 1885 году и обслуживал, наряду с «Ла Гасконью» и «Ла Шампанью»,

североатлантическую линию. Французский лайнер, способный развить скорость в восемнадцать узлов, мог принять полторы тысячи пассажиров. В каютах первого и второго класса было электрическое освещение, а отсеки для эмигрантов – просто были, тут не до удобств.

Второго июля 1898 года под завистливыми взглядами паровых буксиров пароход вышел из нью-йоркского порта. В Верхнюю Нормандию стремились семьсот двадцать пять человек: сто двадцать восемь членов экипажа, триста шестнадцать пассажиров первого и второго классов и двести восемьдесят один пассажир третьего класса. Сильно отклонившись от основного курса, в ночь с третьего на четвертое июля «Ла Бургонь» неслась на полном ходу через плотный туман, рожденный встречей теплого и холодного течений.

Молочная мгла появилась внезапно, поднялась над океаном высокой стеной. Опыт капитана Делонкля подсказывал, что такие туманы не рассеиваются с восходом солнца.

Туман…

Участие в морских кампаниях Франции принесло капитану орден Почетного легиона и отменную репутацию. Энергичный, выдержанный, культурный Делонкль в свои сорок четыре года слыл профессионалом морского дела. До этого рейса, второго в ранге капитана «Ла Бургони», он командовал пароходами «Нормандия» и «Ла Шампань».

Туман…

Прошлой ночью Делонкль изменил своей жене.

Супруга ждала его на берегу, как и пятеро детей, но капитан знал, что больше никогда не увидит их. Ничего, они справятся, они будут жить. Когда в сердце звучат холодные песни, знать, что твои дети вырастут и познают счастье, – этого достаточно. А он… он обречен на любовь. Его звала новая возлюбленная.

Делонкль застегнул пуговицы брюк, вытер руку о штанину, сел на койке и принялся зашнуровывать ботинки.

Скоро они встретятся. Он и его возлюбленная. Не в ее песнях, а на заправленной в туман простыне океана.

Для этого он изменил курс судна.

Капитан встал и взял жилет.

Минувшей ночью она пела, что ее зовут Молпе.

Молпе. Его последняя любовь.

Делонкль не верил в жестокие игры разума. Прошлая ночь была так же реальна, как и его карьера, его семья. Как боль.

Кровь перестала идти, но тонкая вязь ран под тканью рубашки горела и чесалась – капитан долго надевал жилет и китель, словно те были сшиты из рисовой бумаги. Там, под одеждой, была навигационная карта. Карта с новым курсом движения лайнера, проложенным намного севернее от трассы, которую рекомендовали судам, идущим на восток. Капитан тщательно вывел ее ножом на своей коже, слушая песню о гигантских морских черепахах с острыми рифами на спинах, а в это время холодная рука Молпе двигалась внизу его живота.

Или его рука. Не важно. Скоро. Скоро он снова будет с Молпе, навсегда.

Остальное – сон длиною в жизнь.

Сон глубиной в рассудок.

> Лелеяли свой бедный сон;
> Мечтая меж подводных лилий…[1]

Делонкль застегнул пуговицы кителя и, напевая, вышел на палубу.

Счетчик механического лага регистрировал число оборотов вертушки, буксируемой на длинном лаглине. «Ла Бургонь» шла со скоростью семнадцать узлов.

«Скоро. Я спешу к тебе…»

Когда он снова услышит песню Молпе, то шагнет ей навстречу – в океан. А судно? Первый помощник справится, возможно, даже примет командование по прибытии в Гавр. Каждому свое. Делонкль *выбрал* любовь.

Рассвет проредил туман на молочные ленты, обернул ими лайнер. Впередсмотрящие с фор-марса и бака не различали ничего дальше ста футов. Встречные волны бились о вибрирующий корпус парохода, в чреве которого ритмично стучала паровая машина. С интервалом в две минуты звучал протяжный гудок.

За несколько минут до того, как пробили две склянки,

---

[1] Теофиль Готье, «Тайное родство», перевод Николая Гумилева.

мгла ответила звуком туманного горна. Матрос в «вороньем гнезде» не медлил ни секунды – телеграфная линия, соединяющая марс и мостик судна, донесла до вахтенного штурмана Делинжа сообщение о встречном корабле.

Но все произошло слишком быстро. От Делинжа уже ничего не зависело.

Сигнал барка раздался прямо по курсу, вблизи «Ла Бургони». Из тумана выступили паруса.

Чтобы избежать страшного столкновения, штурман заложил руль влево, пробуждая мощные рулевые механизмы, и дал машинному отделению сигнал «Товсь». Рулевой по правую руку от Делинжа превратился в дрожащую скрюченную фигуру.

Стрелка компаса сдвинулась на одно деление…

Бушприт парусника ударил в ходовой мостик лайнера. Делинж бросился на пол и закрыл голову руками. Сверху раздались треск и шум, как раскаты грома. Посыпалось битое стекло, в тыльную сторону ладони впился осколок, штурман выдернул его и поднес к лицу – острая щепа.

Пахло промозглым отчаянием. Неизбежностью. Звук разрушений сместился ко второй грот-мачте: пароход словно раздирали пополам. Делинж пополз на четвереньках к машинному телеграфу. Пол устилали обломки. Можно было подумать, что в мостик угодило несколько пушечных ядер.

– Черт, черт, черт! – цедил сквозь зубы штурман.

Он откинул в сторону кусок гладкой доски и отшатнулся

с распахнутым ртом.

– Черт… – повторил он с тяжестью в сердце.

Рулевому сорвало верхнюю часть лица. Похоже, обломок наклонной мачты парусника угодил парню в голову: вмял внутрь верхние кости челюсти, скулы и кости носа, забрал с собой почти всю кожу и глаза. По оголенному черепу струилась кровь. Делинж одернул себя – тошнотворная картина против воли притягивала взгляд.

Он поднялся на ноги и переступил через тело рулевого. Тумба телеграфа не пострадала. Штурман перевел рукоятку в позицию «Стоп».

На разбитом мостике появился капитан. Делонкль выглядел почти умиротворенно.

– Месье капитан, рулевой… Арно… мертв, – запинаясь, произнес Делинж. – Вы стоите… на его руке.

Делонкль шагнул назад, но так и не глянул под ноги. На его лице промелькнуло мрачное понимание, почти испуг. Он будто не до конца осознавал, что произошло, что *происходит*. Делинж увидел еще одного мертвеца – матроса на крыле мостика.

За спиной капитана возникло черное ошалелое лицо.

– Капитан, пробоина в котельной! – закричал кочегар с изуродованной рукой. – Рекой льет!

– Да? – тихо спросил Делонкль и моргнул.

– Порвало паропроводы!

Капитан дернул головой. Кажется, он приходил в себя. Во-

время. Делинж едва сдерживался, чтобы не влепить капитану пощечину.

Из кубриков высыпала палубная команда, матросы неслись наверх.

– Откачивайте воду! – приказал капитан. – Все на ручные помпы!

Пароход кренился на правый борт.

«Судно не спасти», – понял Делонкль и услышал Молпе. Голос его возлюбленной изменился, он стал груб, неприятен и стар, словно пело само время, гниющее у кромок истоков. Изменилась и песня: она не ласкала, а тянула вниз, в черную воронку отчаяния, в подводные пещеры, потолки которых покрывал сверкающий снег кристаллов, а стены облюбовали безумные рыбы с выпученными глазами. Молпе хрипло мурлыкала о красной воде, о неуемном голоде, о парусах, сделанных из кожи утопленников. Она больше не звала его в свои объятия – она смеялась над ним.

Даже сейчас капитан продолжал любить Молпе. Это была любовь икринки к безразличной матери, но без нее у Делонкля не оставалось ни единой преграды перед огромным ликом безглазого существа с рассеченными до кости скулами и сплетенным из водорослей языком.

«Пароход не спасти, и только я виноват в этом. Сколько людей погибнет сегодня из-за меня?»

Много. Очень много.

Уродливая живая маска – та, что всегда прячется за ис-

тинной любовью, – приблизилась, внутренности капитана сжались, по ноге побежала струйка мочи, но потом перед внутренним взором снова предстала Молпе, женщина без ног, красивая, как окатанный янтарь, как рассыпчатые облака над бирюзовым океаном, предстала и исчезла, и Делонкль остался один.

Один среди испуганных людей на тонущем судне.

Любовь, которая приблизила его к аду, теперь защищала его от ада. Любовь и была адом, круглой комнатой, оглохшей от грохота дверей. Но, пока не закрылась последняя дверь, он должен попытаться сделать хоть что-то… для тех, кого завел в эту геенну…

Вокруг разрушенного мостика собирались офицеры.

Несмотря на холодный ветер, капитан испытывал жар и озноб. Он шагнул к машинному телеграфу, положил клейкую, как заплаканная липой брусчатка, ладонь на рукоятку и перевел указатель на «Полный вперед». Сообщение ушло на приемник машины.

– Делинж, идем по компасу. Курс на север, с отклонением к востоку на десять градусов.

– Месье капитан, вы хотите?..

– Сейбл, – кивнул Делонкль и невесело улыбнулся. – Вот уж не думал, что буду считать удачей оказаться на его отмелях.

«Но до острова не меньше пятидесяти миль». Эту мысль Делинж оставил при себе. От нее было не больше проку, чем

от паники, которая уже охватывала палубы и внутренние помещения судна.

Машина ожила. «Ла Бургонь» встрепенулась и, вздрагивая, устремилась вперед. Трюмы парохода заполнялись водой, океан подбирался к топкам, озлобленно шипели перебитые паропроводы. Верхушки мачт царапали низкое серое небо.

«Я должен командовать, но все, что я могу предложить людям, – это иллюзию спасения на берегах острова призраков».

Капитан заметил взгляд Делинжа. В нем читался мутный страх и осуждение. «Вчера я приказал ему изменить курс…» Невысокий тощий штурман всегда отличался завидными выдержкой и спокойствием, но близость смерти порой проделывает отвратительные фокусы с субординацией. Что ж, Делонкль понимал, что заслужил гораздо больше, чем неозвученный упрек, – заслужил все это. Делинж открыл рот, но ничего не сказал – зазвонил машинный телеграф.

Механик сообщил, что второе котельное отделение не продержится и десяти минут, вода скоро зальет топки.

Делонкль почти ощущал едкий угольный дым, заполнивший котельную, когда пробоины осевшего правого борта оказались ниже ватерлинии. Паропроводы взорвались, машина замолкла, винт лайнера замер. На «Ла Бургони» погас свет.

Песня Молпе оборвалась.

И тогда пришла обманчивая тишина, обрамленная шипением пара и криком какой-то женщины, донесшимся с палубы.

А потом закричал кто-то еще, и еще, и еще…

Словно разошлись отполированные доски, и глотка умирающего парохода исторгла безумный вопль.

СЕКОНДО

Удар.

Тяжелый удар сердца, необходимый, чтобы вынырнуть.

Тревога, которая терзала Секондо вечером, ушла с пробуждением. Говорят, что сон опустошает печали вчерашнего дня, переворачивает человека, сливая в бесконечную тьму яд и страх. Вранье. Ночной кошмар разбил итальянца, его тело треснуло, как керамическая ваза, и через расселину вытекла не только тревога, но и душа.

Еще никогда Мехелини Секондо не чувствовал себя таким *пустым*.

В кошмарном сне он *смотрел*. Стоял перед большим прямоугольным иллюминатором и смотрел сквозь толстое стекло, исцарапанное с другой стороны когтями, клыками и шипами тошнотворных тварей, а также обломками ногтей и зубов их жертв. И это было неплохо, потому что мир за мутным стеклом уже не казался… настоящим… Но он был, и в нем по палубе парохода ползли уродливые создания с чешуйча-

тыми грудями и пятнистыми хвостами. Полулюди-полутюлени с раздутыми головами, выпученными глазами и перепончатыми кистями. А еще там был гигантский моллюск. Белесый, студенистый, он перетек через борт и судорожно пополз по доскам. Монстр вытягивался, сужаясь в одном месте и расширяясь в другом, бледные щупальца рыскали по палубе и хватали кричащих людей. Несчастных обволакивала зеленоватая слизь, черепа пузырились, языки вываливались между черными распухшими губами… а потом, потом…

«Лети оно ко всем чертям, – решил Секондо. – Черным намерениям – черные сны. То, что быстро уходит, недостойно переживаний».

В этом была своя правда. К полудню кошмар истлел, оставив лишь пепел неясного беспокойства. А намерение отомстить Эрику Массо осталось там же, где и жило последний год, – в сердце Секондо.

Скоро он убьет Массо. Очень скоро – еще до того, как «Ла Бургонь» войдет в порт Гавра.

А как жить с чужой смертью, Секондо решит потом. Возможно, позволит *пустоте*, возникшей после смерти Сэвины, разрастись и поглотить себя. Эта мысль показалась ему заманчивой. Когда-то он жил ради Сэвины. Потом – сейчас – ради мести. Так что, когда Массо перестанет дышать…

Секондо сидел на койке и слушал голоса. Эмигрантские твиндеки ютились в чреве парохода – помещения без окон и электричества. Зато с тяжелым дыханием, стонами и жало-

бами пассажиров третьего класса. При слове «комфорт» тут по-прежнему закатывали глаза, даже пользуясь столовой, местом для курения и прогулочными палубами на носу и корме парохода.

Когда-то суда с эмигрантами называли кораблями-гробами. Трансатлантические маршруты «славились» немыслимой смертностью: в корабельной тесноте и антисанитарии пировали холера и тиф. Неприхотливые эмигранты были преходящим балластом. Сначала меловой прямоугольник на палубе, потом временные перегородки, затем ряды двухъярусных коек из неструганых досок, разделенные узким коридором.

Путь эмигрантов (условия плавания) немного облегчил акт, принятый американским конгрессом в 1848 году, и последовавшие за ним законы. Мизерный комфорт, а также быстроту переправы через Атлантический океан принесла капитуляция парусов перед паровыми машинами. Когда-нибудь пассажиры третьего класса получат отдельные каюты, но…

…Секондо это не волновало. Это не волновало *пустоту*.

Люди в помещении – в основном итальянцы, как и Секондо, – разговаривали, перекидывались в карты, перебирали убогий эмигрантский скарб, расправляли свои документы и вчитывались в них. Ритуал повторялся по несколько раз на день: сундучки открывались и закрывались, бумаги доставались и прятались.

На койку через проход села девушка. Секондо рассматривал ее украдкой: волосы до плеч, большие синие глаза, фигура, изящество которой граничило с болезненной худобой. Скорее всего, американка. Девушка путешествовала одна и ни с кем не разговаривала. В твиндеке она появлялась изредка, порой Секондо видел ее на прогулочной палубе – хрупкое изваяние у борта лайнера. Она чем-то напоминала его самого – искала, высматривала… нашла ли? Потому что он нашел. Да, наконец-то нашел убийцу своей сестры. Нашел Эрика Массо.

А еще она напоминала ему Сэвину.

У Секондо защемило в груди, *пустота* засмеялась. Сэвина была мертва, а девушка на противоположной койке жива, и это различие было непреодолимым.

Девушка чему-то улыбалась. Эта улыбка понравилась *пустоте*: холодная, ликующая, острая, как осколок стекла. Так улыбался он сам, когда увидел в порту Нью-Йорка Эрика Массо – мишень, которую целый год выцеливала стрела его мести.

То, что он разыскал Массо, было удачей. Или подарком *пустоты*. Потому что лейтенант военно-морского флота Эрик Массо упал очень низко – до уровня палубы, которую теперь драил вместе с другими матросами парохода «Ла Бургонь». Секондо с трудом узнал в матросе некогда сияющего самоуверенностью мерзавца, который обещал Сэвине вечную любовь и однажды, в пьяном приступе ревности,

ударил ее ножом…

Массо потерял звание, офицерскую должность, уважение, лоск. Алкоголь? Вероятно. Теперь его домом был кубрик, где матросы при появлении капитана смахивали карты на пол.

«Ты умрешь на этом огромном корабле, Массо. Умрешь, как рыба, которую достали из сети и вспороли брюхо», – подумал Секондо, ложась на койку и закрывая глаза.

«Завтра».

ДЕВАЛЬ

В шлюпке, которая висела у борта, стоял человек с ножом. Держался за лопарь талей и обводил палубу безумным взглядом красных глаз. Если кто-нибудь приближался к вельботу, человек поднимал над головой кухонный нож с длинным лезвием и угрожающе скалился.

– Он сошел с ума, – сказал рулевой Деваль лейтенанту Пишану. – Я обойду справа, а вы слева.

Пишан, который отвечал за спуск шлюпки на воду, кивнул.

Деваль присел, взялся за рукоятку нагеля и достал его из гнезда кофель-планки.

Человек с кухонным ножом пританцовывал в вельботе. Он ничего не просил, ни на кого не кричал, просто защищал пространство шлюпки от чужаков, будто надеялся, что, когда океан сомкнет челюсти, суденышко защитит его.

На миг, краткий миг Девалю захотелось быть рядом с этим безумцем, под защитой деревянного тотема, по бортам которого лопастями к носу лежали основные и запасные весла. «Если я…» Рулевой подскочил к мужчине сзади и обрушил нагель на его затылок. Деревянный гвоздь ударил по черепу с неприятным пустотелым звуком. Красные глаза безумца закатились, и он вывалился на палубу. Нож стукнулся рукояткой о банку и упал на дно вельбота.

Деваль встретился глазами с Пишаном, лейтенант снова кивнул. Слов не требовалось. Через несколько секунд Пишан уже руководил посадкой пассажиров в шлюпку.

Когда заполненный людьми вельбот стал отходить от борта «Ла Бургони», лайнер круто накренился вправо, и над кормой оглушительно прокатился скрежет. Дымовая труба переломилась, раздавила снятую с кильблоков шлюпку и рухнула на световой люк машинного помещения.

Внутренности Деваля сжались от удара. Цепная оттяжка кормовой трубы рассекла пополам рыжеволосую женщину. Мужчина с двумя детьми на руках полетел за борт. Рулевой вцепился в поручни, глядя в воду. Всплыл только мужчина, он подгреб к плоту, на котором сидели матросы, но был встречен ударами ног. Матросы выкрикивали проклятия.

Деваль не мог поверить своим глазам.

– Черт с ними! – заорал офицер, четвертый механик лайнера, который стоял слева от рулевого. – Пускай спасаются сами! Дайте мне пистолет, и я перестреляю всех пассажиров!

Деваль не мог поверить своим ушам.

«Ты можешь поступить так же, – сказал чей-то голос в голове рулевого. – Спасай себя».

Деваль не мог поверить своим мыслям.

Он отстранился от ограждения и пошел в сторону. На лице выступили крупные капли пота, глаза стали потерянными и тусклыми, рот скосился в не заданном вопросе. Среди обломков шлюпки лежали раздавленные, сломанные тела… женские тела… У Деваля разболелась голова.

«Спасай себя».

На рулевого налетел матрос, сбил с ног, что-то промычал и побежал дальше. От матроса разило виски. Деваль и сам не отказался бы от глотка. Бесплотные голоса тоже.

Разум Деваля задремал.

Ночь выцветала в грязно-серый оттенок. По поверхности свинцового зеркала бежали гребни, над которыми плыли матовые испарения. В утреннем гомоне океана не было иных звуков, кроме крика, треска и шипения.

А потом он увидел лежащего на трапе мальчика. Ребенку было лет десять-тринадцать, понять трудно – страшная рана пересекала лицо, трещина, бездна, а не рана. Вокруг головы росла черная лужа.

«Кто-то ударил его топором», – подумал Деваль.

И проснулся.

БРАЙС

Брайс медленно прохаживался вдоль борта. Американца обуревали мрачные мысли.

«Возьмет ли Лизи деньги? – размышлял он. – Смогу ли я купить ее молчание? Почему расставание с женщиной может обернуться проклятием? Почему она плывет на лайнере, с кем?.. Я растоптал ее счастье, отказался от ребенка, но ведь она сама боялась забеременеть! Говорила об этом!»

Лизи стояла перед внутренним взором: ее прекрасное лицо, совершенная фигура, синие глубокие глаза. Она была из тех девушек, которые способны разжечь в мужчине страсть, даже облачившись в сшитое из парусины платье. Она была остроумна, легка, элегантна в своей бедности, но ненависть превратила ее в угрозу, прекрасную, но угрозу.

«Любил ли я ее?» – спросил себя Брайс.

Он замер у ограждения, глядя в стену тумана. Последняя мысль принесла холод и печаль.

Часы показывали начало третьего. На прогулочной палубе изредка появлялся заспанный стюард. Ночь не пугала Брайса, его пугала Лизи.

«Это все немилосердные шутки Всевышнего. Зачем он столкнул меня с Лизи? Такова его кара? Но в мире столько действительно ужасных людей, даже здесь, на этом корабле… А я… я просто не умею любить…»

Он некрасиво засмеялся, но тут же смолк, схватившись за грудь. Нет, ее сдавливала не тошнота (морская болезнь словно давала ему передышку, чтобы он мог прочувствовать другую боль), а… прошлое?

– Да что со мной? – пробормотал Брайс. – Боюсь какой-то девки… Даже если она заговорит… если… Патрисия поймет…

«Не поймет. И ее папаша тоже».

– Дождался?

Брайс дернулся. Обернулся.

Лизи ядовито улыбнулась, довольная произведенным эффектом.

– И много денег уместилось в карманы твоего дорогого пиджака?

– Я принес все, что было… Послушай, Лизи, я дам их тебе не за молчание, не поэтому… я думал… да, я поступил плохо… я испугался… я хочу сделать хоть что-то теперь, чтобы твоя жизнь…

– Не верю, – прервала его девушка.

– Но это правда! Правда! – почти со слезами твердил Брайс. – Правда!

– Не хочешь поделиться этой правдой со своей женой? Как ты ускользнул из своей роскошной каюты? Что ты ей наплел?

– Она спала, мне не пришлось… – раздавленно сказал американец.

– А вот это похоже на правду. На правду труса. И знаешь что, Джон, я долго думала вчера. Думала, как мне с тобой поступить.

– И? – прошептал Брайс.

– Мне не нужны твои деньги.

Американец открыл рот и, не найдя слов, закрыл, открыл и снова закрыл. А потом опустил голову, повернулся к океану и облокотился на ограждение. Лизи встала рядом.

– Мне жаль, – сказал он.

– Это я уже слышала. Ты превратился в скучного мужчину, Джон.

– Да, да, ты права…

– А! Теперь ты станешь во всем со мной соглашаться?

– Ты видишь? – спросил Брайс.

– Что?

– Огни, там в воде… Они такие же красивые, как и твои глаза.

Девушка рассмеялась.

– Ох, избавь меня от этого!

– Они красивые, – повторил Брайс.

Лизи взглянула на него с презрением, но тоже легла на борт и посмотрела вниз.

– Я ничего не вижу…

Мужчина резко присел, схватил ее за ноги и рванул вверх, толкая через поручни. Лизи вскрикнула, перевернулась и упала за борт. Всплеска он не услышал.

Брайс завертел головой, ожидая увидеть стюарда. Палуба была пуста. Нет… кто-то копошился у лестницы, серая тень… Вот она заскользила к носу судна, подпрыгнула и стала карабкаться по тонким ступенькам между вантинами, которые раскрепляли фор-мачту.

Лайнер издал пронзительный гудок.

Брайс моргнул.

Тень исчезла. Никто не взбирался по растянутым в ночи пеньковым тросам.

«Она угрожала мне… хотела погубить меня», – подумал американец.

Когда он доставал сигару, его руки дрожали. Это была дрожь облегчения, блаженной слабости.

Брайс отгрыз кончик сигары.

«Прошлое должно оставаться прошлым».

Колесико бензиновой зажигалки выбило из кремня трескучую искру, и мужчина глубоко затянулся, раз, другой.

Близилось утро. Сон не шел. Брайса устраивало и то и другое.

Он лежал на верхней койке в каюте первого класса и думал о своем освобождении. Теперь ему не угрожала не толь-

ко Лизи, но и морская болезнь – Брайс чувствовал, что недуг отступил. Навсегда. Почему? Потому что он изменился. Сделал все для своей семьи и для себя и стал другим.

Стал сильнее.

«Бедная глупая Лизи, неужели ты думала, что сможешь играть со мной, угрожать мне? Месть – это удел сильных».

Раздался стук. Брайс поднялся на локтях и с недовольством посмотрел на дверь. Снизу шелестело дыхание Патрисии.

В дверь снова постучали.

Не страшась разбудить супругу, он спрыгнул на ковер и включил свет. Электрические лампы прогнали темноту, но не ночного гостя – *тук, тук, тук*. Брайс потряс кулаками. Сейчас, сейчас он откроет замок, схватит наглеца за грудки и хорошенько проучит. Так поступают победители.

Он подскочил к ручке, и в этот момент вспомнил юркую тень на палубе. Брайс похолодел. Вся решимость куда-то исчезла.

«Кого принесло в столь поздний час?»

– Кто там?

В ответ дверь заходила ходуном, со стороны коридора донесся пугающий своей странностью звук – словно кто-то втягивал в легкие воздух. Дюжина ртов. Брайса сковал невыразимый страх.

В створку ударили.

Американец попятился назад и покосился на жену. Пат-

рисия лежала лицом к переборке и по-прежнему пребывала в спасительной власти сна. Новые и новые удары, способные в любой момент расколоть доски, будто звучали лишь в воображении Брайса. «Почему она не просыпается?» Жену не беспокоил ни звук, ни свет. Она даже не пошевелилась.

Дверь сотрясалась от страшных толчков.

– Что вам нужно?! – истерично заорал Брайс, не зная, чего хочет больше, разбудить супругу или прогнать того, кто раз за разом набрасывался на дверь, отступал и снова набрасывался.

«Кто это? Что это?.. Тень?»

Он почувствовал внезапную злость на Патрисию. Надвинулся на койку и грубо перевернул жену на спину.

– Проснись! Слышишь, проснись!

Патрисия не дышала. Ее лицо было белым и застывшим, уже не способным на мимические превращения. Брайс – слабый, напуганный, измотанный ударами в дверь – протянул руку, но тут верхняя губа Патрисии приподнялась, и из-под нее показалось что-то студенистое и извивающееся.

Крошечное щупальце.

С криком ужаса Брайс отскочил назад и ударился о привинченный к полу шкаф.

Дверь не выдержала. С треском разлетелись доски, и в две большие вертикальные дыры проникли огромные щупальца с алыми присосками. Бледные отростки тянулись к Брайсу, присоски сжимались и разжимались, сжимались и разжима-

лись. Петли лопнули, в каюту ввалилась бесформенная туша.

«Осьминог, – промелькнуло в голове Брайса, – осьминог из самых глубин ада».

Осьминог источал жуткое зловоние. Брайс покачнулся от необоримого приступа тошноты и стал отступать. Он хотел закричать, но боялся, что его вырвет, как только он откроет рот.

Щупальца выстрелили вперед, однако американец каким-то чудом успел увернуться, и алые рты присосались к шкафу. Противно захлюпали и, разочаровавшись, отклеились. Существо продолжало втекать в каюту. Брайсом заинтересовались уже не две, а пять белых лап. Шестая заползла на койку и обвила голову Патрисии. По бледно-лунной коже потекла зловонная слизь.

Брайс лихорадочно искал выход, которого не было. Чем он мог защититься от этого существа? Куда сбежать? Иллюминатор каюты был глухим, а в дверной проем стремился ночной кошмар. Брайс боролся с желанием закрыть глаза. Будь он призраком, который умеет проходить сквозь стены…

Все пять свободных щупалец метнулись к нему, словно лопнувшие тросы. Трепещущая материя схватила, обволокла, удушила. Брайс будто угодил в плотную грязь. Он задыхался, пытался вырваться, а красный визжащий комок, до которого скукожился его рассудок, молил о пробуждении.

Брайса выволокли из каюты и потянули по коридору. Его

голова билась о жесткие доски, тело же целиком исчезло в коконе из желеобразных лап. Ступеньки встретили его градом ударов. Осьминог тащил его вниз. Брайс чувствовал кровь и осколки зубов во рту, чувствовал, как через присоски из него утекают жизнь, желание сопротивляться.

Он увидел луну, и на глаза навернулись слезы жалости и обиды. Американец жалел себя. «Я через столько прошел, чтобы умереть в объятиях разбухшего студня?..»

Его голова перестала колотиться об углы и края, приподнялась. Ее поддерживало что-то холодное, но живое. Он попытался увидеть что. Луну заслонило лицо Лизи. Большие – нет, огромные! – синие глаза; прозрачная кожа, под которой пульсировали черные нити; хищная улыбка.

– Ты не можешь избавиться от меня, Джон, – сказала мертвая девушка.

Ее голос успокоил Брайса. Действительно, почему он хотел сделать это? По телу вместо высосанной осьминогом крови разлилось тепло предвкушения. Чувство страха сменил экстаз неизбежности. Брайс хотел было закрыть глаза, чтобы полностью погрузиться в новые эмоции, но лицо Лизи стремительно приблизилось, зубы впились в правое веко и вырвали его. Затем – левое.

Американец не закричал.

В снастях путалась луна, раскачивалась верхушка мачты, из трубы поднимался черный дым – субстанция ночи. Лизи улыбалась. Брайс хотел увидеть ее ноги – почему-то это ка-

залось ему важным, – но не мог. Мертвая девушка не шла, а плыла над палубой, в ее руках лежала голова бывшего любовника.

А потом его подняли над бортом. Стеклянные глаза Лизи исчезли, Брайс приложился затылком о поручни и полетел вниз.

«Что ж, – подумал он, прежде чем в легкие хлынула соленая вода, – в конце концов, прошлое утащило меня за собой».

ВИКТОРИЯ ЛАКАССЕ

Она спаслась.

АД

Страх – это спичка, брошенная на горку пороха. Вспышка, и его уже не остановить. Паника на корабле – это пожар, бушующий в сумасшедшем доме. Или зверинце.

Страх и паника.

А потом – хаос.

Еще вчера по палубам гуляли нарядные люди, в пассажирском зале звучал беззаботный говор, кто-то хохотал, кто-то восторгался совершенством лайнера, дамы искрились и таяли в электрическом свете. Вчера…

Лайнер валился на правый борт, океан подползал к главной палубе. Близость воды – каких-то десять минут назад контролируемая, неопасная – в один миг лишила людей рассудка. Звериные вопли заглушали рвущуюся в трюм воду.

Охваченные страхом бедняки, полуодетые, разбуженные столкновением и криками, выбирались из помещений третьего класса. Твиндеки располагались дальше от шлюпочной палубы, чем каюты первого и второго класса, – путь к шлюпкам преграждали сотни других людей.

Не прошло и шести минут с того момента, как парусник вспорол борт парохода, а на палубах уже звучала адская симфония. Кораблекрушение породило безумцев.

Австрийские моряки, которые плыли в Гавр третьим классом, пробивались к шлюпкам при помощи ножей и револьверов. Совсем недавно им довелось чудом пережить другое крушение – пароход, где они несли службу, потонул у американского берега. И вновь океан предлагал им лишь неизбежную гибель. «Ла Бургонь» глотала воду, кричала о смерти. Австрийцы орали в ответ: не их пароход, не их команда, не их смерть. Лезвия ножей и горячий свинец выпрашивали спасение чужой кровью.

Австриец с красными влажными глазами полоснул офицера по выставленным вперед ладоням, а затем по лицу – оно разошлось красной трещиной. Люди-звери, подобно волне, сметали с пути офицеров. Форма и звания перестали что-либо значить. Только жизнь, только возможность уцепиться

за нее жадными пальцами.

Жестокость австрийских моряков передалась итальянским эмигрантам. Обитатели третьего класса орудовали кулаками и ножами: расталкивали, калечили и убивали женщин и мужчин. Оказавшись на шлюпочной палубе, они окончательно лишились рассудка. Метались, срывали брезенты со спасательных шлюпок, прыгали в вельботы, резали, давили, рвали. На палубу лилась кровь.

Они убивали офицеров.

Сбрасывали в воду женщин.

Били ножами по рукам, которые передавали детей.

Снятая с кильблоков шлюпка, посадкой в которую занимался второй штурман Дюпон, была заполнена женщинами с детьми и стариками. Штурман перерубил топором фалини – перегруженное суденышко отошло от лайнера, – отдал стопора на шлюпбалках и стал потравливать трос талей. Над головой скрипел барабан шлюпочной лебедки. Вельбот вывалился за борт, достиг предельного положения и, клонясь кормой, начал спуск на воду.

Дюпон спешил. Шлюпка практически упала на волны и трусливо прижалась к левому борту, удерживаемая не отданными глаголь-гаками. Кто-то зарычал штурману в лицо, оттолкнул. Дюпон упал на колени, потянулся к топору, который лежал у палубного обуха.

Под ребра проникло стальное жало; настырное и холодное, оно, тем не менее, вскипятило кровь, заставило выпря-

миться, застонать. Штурмана снова толкнули или ударили, он упал на сорванное леерное ограждение, по спине забарабанили тяжелые ботинки и босые ноги.

– Нет! Пожалуйста, нет! Тут дети! – заголосила женщина в шлюпке, она прижимала к груди наспех запеленутого младенца.

Трещала шлюпбалка, по тросам спускались итальянцы. Эмигранты, безразличные к детскому плачу и мольбам матерей, прыгали с лопарей в переполненное гребное суденышко.

– Убийцы! Мы все утонем! Убийцы! Да покарает вас Бог!

Вельбот начал тонуть.

Другую шлюпку удалось отцепить от талей, но женщины и дети вскоре тоже оказались в воде без спасательных нагрудников, за которые дрались в носовой части лайнера.

Большой деревянный ящик окружили матросы. Они доставали нагрудники, тут же исчезавшие в смердящей страхом толпе. На объяснения, как правильно застегивать ремни, не было времени. Люди выдирали друг у друга бесценные атрибуты надежды, завязывали в спешке на талии.

– На грудь! Крепите на грудь! – кричал белобровый матрос, но никто не слышал.

Его товарищи уже поглядывали на шлюпки – на последний шанс спастись. Сначала один, потом другой, третий… они бросали свои посты и обязанности, вытаскивали пассажиров на палубу, толкали за борт, а сами занимали их место в вельботах. Силой и жестокостью команда «Ла Бургони» не

уступала итальянским эмигрантам и австрийским морякам.

Мак-Кеоуна, пассажира второго класса, оттеснили к сходному тамбуру. На его глазах итальянцы зарезали трех женщин, которые пытались забраться в шлюпку, а тела столкнули ногами за борт. Горло женщины, которую скинули последней, пузырилось кровью.

Пекаря Чарлза Дуттвейлера, чей дом и семья находились в Бремене, дважды стегнули сталью: нож рассек лоб и кожу над левым ухом. Его ранил матрос лайнера. Лежа на палубе и зажимая раны рукой, Дуттвейлер видел, как австрийцы спихнули за борт большой катер, закрепленный на кильблоках носовой палубы, и стали прыгать в воду.

Австриец выстрелил в мужчину с младенцем на руках. Джентльмен покачнулся, приподнял сверток с ребенком и растерянно глянул туда, где в темно-коричневом пиджаке дымилась маленькая дырочка. Голову мужчины покрывал цилиндр с узкими полями, возвышавшийся над творящейся на палубе бойней. Раненный в живот, джентльмен снова прижал младенца к груди и стал оседать…

Гаспар Куапель продирался к шлюпочной палубе. Бежавший перед ним австриец выстрелил в офицера, но промахнулся – каморы барабана опустели. Все двадцать камор. Трясущийся от страха Куапель был хорошо знаком с двуствольным револьвером в руке австрийца – держал такой же в собственном ломбарде, расположенном на бульваре Кур-Салейя в Ницце. Револьвер конструкции Лефоше, рассчитанный на

стрельбу из верхнего или нижнего стволов, барабан с наружным и внутренним рядом камор под семимиллиметровые шпилечные патроны, складной спусковой крючок, курок с двумя бойками. Револьвер, что хранился под прилавком ломбарда месье Куапеля, был богато украшен гравировкой, палисандровые щеки рукоятки покрывала ромбовидная насечка – всем этим не мог похвастаться револьвер австрийца, с простой отделкой, но не менее надежный и смертоносный. Куапель часто открывал ящик под кассой и доставал тяжелое оружие с маркировкой «Campagnac Arquebusier à Bordeaux» в верхней части ствола, вертел в руках, целился в невидимых врагов, даже вспугнул как-то раз неудачливого грабителя… но никогда не относился к револьверу как к дьявольскому инструменту, способному так легко отнять жизнь… До этой минуты – нет…

Мир кренился в туман. На шлюпке, которая раскачивалась по левому борту вблизи ходового мостика, причитали женщины и плакали в голос дети. Молодой матрос возился с блоком кормовых талей.

– Женщин и детей вперед! – крикнул кому-то офицер, а потом повернулся к матросу. – Эй! Что у тебя?

– Заело! Сломалось! – во всю глотку гаркнул матрос. – А, дьявол! С меня хватит!

– Назад! Стой!

Молодой матрос остановился. Офицер приблизился.

– Куда собрался, мерзавец? На судне двести женщин и во-

семьдесят детей! А ты!..

– Я не хочу умирать! К черту! Лучше убейте меня!

– Ты их погубишь! Всех, кого бросишь! Всех, кому не поможешь! Кем хочешь умереть: гадом или человеком?! Делай то, что должен!

Матрос попятился. Только сейчас он заметил, что у офицера нет правого глаза… Вернее, есть, но мертвый, желто-красный, вдавленный в глазницу.

– Помоги им! Помоги кому сможешь! – крикнул офицер и бросился к другой шлюпке. Через минуту он умер – спрыгнувший в вельбот австриец выстрелил ему в лицо, аккурат между здоровым и раздавленным глазом. Но сейчас офицер, человек, который делал то, что должен, спешил к пассажирам, а матрос смотрел ему вслед.

«Я не нанимался погибать в этом аду…»

А потом:

«Помоги им».

Молодой матрос попытался.

СЕКОНДО

Пустота визжала.

Секондо не понимал, почему лежит на полу. Голова раскалывалась.

На палубе твиндека итальянец был не один – растерянные лица эмигрантов шарили в поисках ответов по стенам без

иллюминаторов.

Секондо пополз вперед и уткнулся в койку синеглазой девушки, которая упорхнула в начале ночи (он долго не мог заснуть и видел, как она уходит), но так и не вернулась. На грязные простыни капала кровь. Итальянец коснулся рукой лба, нащупал липкую рваную рану. Он поранился при падении.

Дверь была открыта. Секондо понял, что твиндек опустел минимум наполовину.

«Сколько я пролежал без сознания?»

Пустота шипела:

«Массо!»

– Корабль во что-то врезался, – сказал пожилой мужчина, пытаясь встать.

– Что он говорит?

– Дева Мария!

– Нет! Это невозможно!

– Мы умрем!

Секондо отмахнулся от нарастающего гула голосов. Но… что сказал старик?

Если пароход тонет, то он не успеет отомстить!

Секондо встал и направился к двери. Мимо пробежали два парня с короткими ножами.

«В тебе нет стержня, Массо… ты падаль… Не смей умирать, пока я не доберусь до тебя».

Он выбрался на палубу.

«Что ты сказал ей перед тем, как ударить ножом? Что ты сказал моей Сэвине?»

Секондо обошел разрезанную пополам женщину. Между двумя частями тела лежала кишка, толстая, как трос, ее вытянуло из женщины и тоже разорвало. Обрубки словно тянулись друг к другу серыми щупальцами. На пальцах левой ноги висела черная туфля.

«Она дышала, когда я нашел ее… еще дышала… но все, что смогла сказать, – лишь твое поганое имя…»

Над палубой прокатился тягучий вой гудка. Небо выглядело больным и отечным.

«Она боялась тебя, Массо, боялась и любила…»

Около рубки толпились люди. Секондо наткнулся взглядом на загорелого мужчину и сжал кулаки с такой силой, что проткнул ладони ногтями.

«Ты грязь и нечистоты, которые были рядом с моей сестрой… лицемер и пьяница… ты – мясо, которое я разорву на куски…»

Нет, это был не Массо. Секондо издал стон разочарования. *Пустота* подхватила.

Помещения, расположенные ниже бриджедека, заливало водой. Правый край палубы задирался все выше и выше, катились предметы и люди.

«Ты злой дух… и ты…»

Итальянец оказался в воде, около плота, за который схватился. К плоту гребли люди, хотя места на нем не было. Кто-

то пытался отцепить пальцы Секондо.

Нос парохода скрылся под водой с жутким шипением. Набирающий силу водоворот подхватил живых и мертвых. Секондо оттолкнулся от плота, который влекло к краю водоворота.

«Ла Бургонь» погружалась на дно. Следом падал Секондо, черная воронка тянула вниз, но он рвал пальцами ее мягкие стены, колотил ногами, не сдавался, не сдавался, не сдавался…

Рядом мелькнула тень. Он ухватился за нее, за скользкий хвост, чудовище встрепенулось, но Секондо уже полз по бугристому телу, выковыривая зеленовато-коричневую чешую и погружая пальцы в холодную плоть. Туловище было твердым, как дубовая кора, с глубокими шрамами и коростой из мидий. Существо извивалось. Итальянец встретился с ним взглядом, и *пустота* прикрикнула на хвостатую тварь. Желтые мертвые глаза подчинились. Алый раздвоенный язык исчез в дыре рта.

Секондо оказался на поверхности. Он подплывал к мертвым и еще живым, заглядывал в лица. Некоторые трупы плавали вверх ногами, он переворачивал утопленников; спасательные нагрудники с надписью «Ла Бургонь» были завязаны слишком низко, по талии. Вокруг – обломки корабля, похожие на плоты, и плоты, похожие на обломки. Люди со звериной яростью сражались за спасательные круги, доски, места в шлюпках. За перевернутый вверх килем вельбот дер-

жались не меньше тридцати человек. То тут, то там над океаном раздавался крик, и несчастного навсегда укрывали волны.

Секондо искал. Он хрипел, молотил руками и кричал:

– Массо! Массо! Массо!

Итальянец понимал, что, вынырнув из глубин, он погрузился в другие – его пожирало магнетическое безумие. Где-то в океане жило что-то большое и опасное, и оно забавлялось, играя волей людей. Что это – древний гигант, остров или сам дьявол – Секондо не знал.

«Оно снова заснет, но прежде злобой своей собьет волны в кровавую пену».

Он схватился за обломок весла, набрал в легкие воздух и уже собирался снова выкрикнуть имя убийцы своей сестры, но тут увидел *его*.

Эрик Массо возвышался над заостренной кормой шлюпки и размахивал отпорным крюком. Вот он ткнул острым наконечником в шею мужчины, и тот скользнул под воду. Его место занял другой, люди цеплялись за борта, пытались подтянуться, но их сбрасывали ударами весел и крюков. Безжалостные лица матросов походили на подвижные маски.

Секондо подплыл к переполненной шлюпке с носа. Он схватился за планширь вельбота левой рукой и, когда рыжебородый матрос замахнулся крюком, ткнул его обломком весла в живот. Рыжебородый крякнул, согнулся пополам и повалился в воду. Итальянец ударил его еще раз, по голове,

и забрался в шлюпку.

На него набросились сразу двое, замелькали багры. Удары сыпались на низкорослого Секондо, шипы и крюки жалили, из ран лилась кровь, но итальянец не отступал. Обладая редкой силой, он исступленно орудовал обломком весла. Первый упал на тела, которые, точно сардины, вжались в дно лодки, упал замертво. Рухнул за борт второй, из проломленного виска хлестала кровь.

Пустота просила еще, *пустота* пищала от удовольствия.

Итальянец ступил на банку – лицо и руки были липкими от крови, своей и чужой – и вогнал острый конец обломка в глаза матросу, стоящему на пути к Массо. О грудь Секондо бился отпорник со сломанным штоком, рожок крюка засел в ключице.

– Кто ты?! – Массо отбросил крюк и вырвал из уключины весло.

Он стоял перед ним в рваной, грязной робе, с искаженным яростью лицом.

– Сэвина, – сказал-прокашлял Секондо.

Матрос услышал, понял. Лицо осунулось, в глазах мелькнул… что?.. страх?

Секондо было плевать.

– Сэвина, – повторил он и шагнул через голову полуобморочного пассажира на следующую банку. Руки раскачивали шлюпку, будто щупальца спрута.

Массо обрушил на него весло. Лопасть с хрустом выбила

плечо из сустава, итальянец выронил обломок весла, его ноги подкосились, но он устоял. Матрос снова замахнулся. Но тут Секондо прыгнул на него и, схватив рукой за горло, повалил на руль. Затем отпустил, но лишь для того, чтобы вырвать из ключицы крюк, чтобы вбить наконечник в шею врага, глубже, глубже… В лицо итальянца фонтанировала кровь врага, он слизывал ее, как нектар.

Глаза Массо остекленели.

И тогда Секондо встал и закричал. Окровавленный отпорник выпал из руки, а он продолжал кричать, словно исторгал из себя воспоминания и остатки разума – все, что мешало *пустоте*. А потом итальянец повалился на труп матроса, накрыл своим телом, рука свесилась за борт, и волны стали бережно смывать с нее кровь.

Когда его столкнули в воду, он уже не дышал. Секондо улыбался.

ДЕЛОНКЛЬ

На дно твое нырнуть – Ад или Рай – едино! —
В неведомого глубь – чтоб новое обресть! [2]

Разум капитана Делонкля будто рассекли надвое: одна половинка по-прежнему слушала холодные песни Молпе, его

[2] Шарль Пьер Бодлер, «Плавание», перевод Марины Цветаевой.

последней возлюбленной, прекрасной и жестокой русалки (капитан видел в воде серебристый хвост), другая – пыталась найти выход, хоть чем-то помочь людям на обреченном судне.

Делонкль, стоя под ходовым мостиком в окружении людей с несчастными лицами, рассказывал, как прыгать в воду, когда пароход станет опрокидываться. Он не пытался казаться бодрым и мужественным, эти понятия потеряли смысл. Капитан заранее попрощался с офицерами, которых обрек на гибель и которые сейчас пытались спасти женщин и детей. Последним он пожал руку штурману Делинжу, в чью вахту произошло столкновение.

– Они задавили мою жену… – отстраненно сказал пассажир с голыми младенцами на руках. Дети кричали, их кожа отливала синим. Кто-то снял с себя плед и набросил на малюток.

«Мне жаль…»

«Ты обманула меня…»

Из десяти спасательных вельботов, что имелись на борту «Ла Бургони», три разрушили утлегарь и бом-утлегарь парусника. Шесть спустили на воду. С устройством шлюпочных талей последней, десятой шлюпки сражались матросы и офицеры.

– Спуститесь на палубу! – кричал офицер с красной раной вместо глаза. – Мы не можем поправить тали, пока вы там!

Никто не послушался, даже не привстал. Люди в вельботе

вцепились в банки, борта, чужие руки и плечи, и смотрели на тех, кому не хватило места. Офицеры едва сдерживали толпу.

Хватаясь за тросы, Делонкль приблизился к шлюпбалке. На него смотрели десятки глаз из красного стекла.

– Вы должны покинуть шлюпку, – попытался объяснить капитан, – иначе мы не справимся с неполадкой. Понимаете? Если не выйдете, шлюпка утонет вместе с лайнером.

Его словно не слышали. Ни один человек в вельботе.

«Уже скоро…»

У парохода оставались считаные минуты. Из-за крена несколько пассажиров скатились по спардеку и полетели в воду.

«Вот и все, ничего не исправить. Я должен быть на мостике, когда…»

Делонкль поднялся на ходовой мостик. Продвигаться мешали обломки. Следом за ним взошли второй штурман Дюпон и рулевой Деваль. Дюпон был бледен и слаб, кровь из колотой раны в боку пропитала брюки, сломанная рука болталась плетью. Штурман думал, что уже не выберется из-под ног обезумевшей толпы, но он смог – и теперь стоял рядом с капитаном. Они встретят смерть вместе. Штурман считал себя везучим чертякой.

На верхней палубе раздался возглас удивления. Молодой матрос показывал на что-то в воде.

Капитан проследил взглядом. В ста пятидесяти футах от

лайнера играли серебряные блики.

«Молпе и ее подружки», – подумал он и сказал:

– Дюпон, ваша рана…

– Меня убьет не она, месье капитан, – ответил штурман, навалившись на машинный телеграф, но оставаясь на ногах, как и подобает офицеру.

Капитан кивнул, глядя на океан.

– Друзья мои, вы верите в русалок?

Деваль удивленно посмотрел на Делонкля:

– Месье капитан?

– В русалок, Деваль, в русалок острова Сейбл?

Штурман и рулевой переглянулись.

– Матросы верят, – сказал Деваль, – что того, кто гибнет в океане вблизи острова, ждет сатана.

– Он делает зомби из тех, кого забрала вода, – добавил Дюпон.

– Сатана? – Капитан криво улыбнулся.

– Возможно, змеиные хвосты [3] – это его дочери, – произнес Деваль. – Или существа *за гранью*, которые воздействуют на разум, заставляя людей видеть их не такими, какие они есть.

– Гипноз? – спросил Делонкль. – А что думаете вы, Дюпон?

Штурман разлепил тяжелые веки.

– Я знал одного рыбака, месье… Он клялся, что все стар-

---

[3] Прозвище, данное французами уродливым русалкам.

шие сыновья в их роду видели русалок, хоть раз, но видели. Иногда это была женщина с блестящим плавником вместо ног. Иногда бледнокожий юноша с серебряными волосами и чешуей на спине и животе. Иногда бесполое существо с коричневыми перепонками и жабрами, которое пищало, как мышь… Этот рыбак, он говорил, что нашел свою русалку после ужасной бури. Хвостатая женщина запуталась в водорослях, ее выбросило на берег… Он принес ее домой, кормил моллюсками, крабами и морскими раковинами. Жена рыбака научила русалку вязать и готовить… Женщина-рыба спала в бочке с водой, там и умерла…

Делонкль задумчиво смотрел вдаль. Девалю показалось, что капитан прислушивается.

– В Древней Греции, – сказал Делонкль, – их называли сиренами и тритонами. В Древнем Риме – наядами, нереидами и нимфами. Немцы и никсы дали рыбоподобным существам другие имена – ундины и гуделки. Шотландцы прозвали подводных жителей шелки, русские – лоскотухами. В лоскотух превращались утонувшие девушки…

В двадцати футах от парохода плыла обнаженная девушка. Ее длинные рубиновые волосы стелились по волнам, необыкновенно прекрасное лицо было обращено к капитану.

«Молпе…»

Молпе плыла быстро, очень быстро, быстрее дельфинов и любовных признаний. Русалка выпрыгнула из воды, и Делонкль увидел покрытые чешуей живот, бедра и огромный рыбий хвост.

«Моя Молпе…»

Русалка нырнула, но тут же снова взвилась в воздухе, вращаясь винтом. На спине Молпе не было кожи, капитан смог разглядеть ее внутренности: небьющееся сердце, позеленевшие легкие, сгнившие кишки.

Пароход громко затрещал и стал стремительно погружаться кормой. Туман смешивался с паром, крики с шипением. Люди прыгали в океан.

Ботинки трех мужчин на ходовом мостике скрылись под водой.

«Ты обманула меня… моя любовь», – подумал Делонкль.

Капитан потянул за линь аварийного гудка. Лайнер исторг последний агонизирующий крик.

– Простите меня, – сказал Делонкль стоящим рядом Дюпону и Девалю, а потом волны накрыли разрушенный мостик «Ла Бургони».

ОДРАН

Он осмотрелся. Мозг словно затуманил наркотик: какое-то время Одран видел судно через кривое зеркало. Верхняя палуба «Ла Бургони» казалась кляксой на белом полот-

не тумана. Кляксу наполняли черные тени.

Испуганные, паникующие, кричащие тени в проходах и коридорах.

Кочегар ударил себя по лицу. Помогло.

Помещения заливала вода. Люди стреляли и резали друг друга. Пароход протяжно гудел.

Из-за крена четыре шлюпки левого борта завалились на палубу. У шлюпбалок копошились люди. Единственный уцелевший вельбот правого борта был переполнен, за места в шлюпке шло неистовое сражение.

Бурлила вода, свистел ветер, шипел пар. А потом Одран услышал и почувствовал, как взрываются паропроводы, и понял: все кончено.

Он повернулся к вентиляционной трубе, из которой выбрался минуту или две назад. Из трубы выползала скользкая тварь с парными плавниками на чешуйчатой спине. Две тонкие руки с опухолями локтей; черные отвислые мешочки там, где у обычной женщины расположены груди.

Тварь подняла голову и посмотрела на кочегара.

– Возвращайся в ад, – сказал Одран. – Здесь справляются и без тебя.

Уродливая женщина-рыба зашипела.

Одран разбежался и прыгнул через ограждение.

После жара машины и палубного безумия – перед глазами кочегара стоял молодой человек с перекошенным лицом, который выхватил ребенка из рук сидящей в шлюпке женщины

и швырнул за борт, – холодная вода показалась милостивой и спокойной. Как постель. Одран скинул обманчивость океана, вынырнул на поверхность и поплыл к вельботу. В нем уже было человек пятьдесят, но кочегар сумел найти себе место.

В шлюпку продолжали лезть люди. В конце концов она перевернулась, и все оказались в воде.

Одран услышал, как поет океан. Песня напоминала скрип непрочной лестницы, крутой и тесной, скользкой от смазочных масел; походила на стук листов слани, гофрированных и грязных; в ней слышался плеск трюмной воды, матовой и опалесцирующей.

Кочегар поплыл в обратную сторону. Он не был уверен, что песня раздается с какой-то конкретной стороны, скорее всего, она стекала отовсюду, как туман, но Одран должен был попытаться сбежать от нее, что-то сделать. Потому что его отец тоже пел, перед тем как взять короткий железный прут и…

Он плыл, плыл, плыл…

Через час его заметили со шлюпки «Кромантишира».

ХЕНДЕРСОН

Туман расползался клочками.

Потерявший руль «Кромантишир» медленно шел на северо-восток. С момента столкновения с неизвестным парохо-

дом минул час.

– Вижу шлюпки! – прокричал матрос на баке.

К паруснику гребли два спасательных вельбота.

– Дайте сигнал, пусть подходят к правому борту, – сказал Хендерсон.

Второй штурман Литтл выполнил приказ капитана.

Команда барка поднимала людей на палубу. Хендерсон расспрашивал.

– «Ла Бургонь», месье, – говорил матрос Ле Корр, – наш пароход называется «Ла Бургонь»… назывался…

– Мы ш-ш-шли в Гавр… – говорил матрос Жандро; язык сводило судорогой. – Люди, к-к-когда начали т-т-тонуть… Они т-т-творили такое… Там с-с-столько тел…

– Вы сделали все, что могли, – успокоил капитан, хотя сам не верил в это: среди спасенных он не видел женщин и детей.

Когда английский парусник подошел ближе, Хендерсон различил переполненный плот. Люди цеплялись за обломки. В пелене дождя океан шевелился и стонал, но еще больше в нем было молчания и смерти.

Туман полностью рассеялся. Солнце осветило неспокойную воду над могилой лайнера. Капитан барка «Кромантиширр» на секунду закрыл глаза и сжал кулаки, хотя это принесло ему сильную боль – на почерневшей правой ладони лопнули бледно-желтые пузыри.

Уцелевшие в кораблекрушении заметили паруса судна, которое потопило их пароход, и замахали руками – те, у кого

оставались на это силы.

– Что ты собираешься делать? – спросила Бланш, встав рядом с Хендерсоном.

Она возникла неожиданно, но капитан даже не шелохнулся. Хендерсон смотрел на волны, глаза воспалились и затуманились, он часто моргал.

– Спасти всех, кого смогу.

«Всех, кроме себя».

– Оскар, я про Стюарта… и твой припадок…

Он какое-то время молчал.

– Ничего. Если Стюарту станет легче, а мне кажется, так и будет, то я ничего не стану делать. Что касается моего поведения… Мне жаль, что ты и дети стали свидетелями… Но, с другой стороны, хорошо, что этого не видела команда…

– Твоя рука… Оскар, когда ты пришел в каюту, она… Что с ней случилось, дорогой? Почему ты вел себя так странно? Почему ты просил меня сжечь платье Рени?

– Я не знаю… не помню… – снова соврал капитан. – Возможно, я обо что-то ударился… Извини, мне надо… – Хендерсон развернулся к баку и крикнул: – Бросайте трос!

– Я вернусь к детям… – прошептала Бланш.

Трос закрепили на плоту, но он лопнул. Та же участь постигла два других троса. Матросы ругались, люди на плоту паниковали. Наконец удалось: прочный канат связал спасательный плот и парусное судно, позволив промокшим до нитки, израненным людям оказаться на палубе «Кроманти-

шира».

Хендерсон приказал выбросить за борт столько груза, сколько понадобится.

Хендерсон приказал подсчитать выживших.

Хендерсон ужаснулся полученным цифрам.

Из более семисот человек спаслись сто пять членов пароходной команды и всего пятьдесят девять пассажиров, среди которых была только одна женщина. Ни один ребенок не выжил.

Жуткий баланс с перевесом в сторону членов экипажа навевал мрачные мысли. Капитан смотрел на матросов «Ла Бургони», многие отводили взгляд. Единственным спасшимся офицером был штурман Делинж.

Делинж не прятал глаз. Как и слез.

В полдень к паруснику подошел лайнер «Грешиан», который следовал из Глазго в Нью-Йорк. «Грешиан» принял на борт спасшихся и взял «Кромантишир» (уровень воды в трюме барка достиг двух с половиной метров) на буксир до Галифакса. Прочь от безумной ночи и кошмарного утра четвертого июля 1898 года.

Позже Хендерсон опишет события того трагического дня. В отчете капитан умолчит лишь о двух вещах: о временном помешательстве третьего штурмана Александра Стюарта и о своей мертвой дочери, которая взяла его за руку, когда он смотрел на огни ракет, пущенных в небо с палубы «Ла Бургони».

Сначала прикосновение было почти приятным: легкое, морозно-щекотное. «Если не смотреть на *то*, что сжимает мою ладонь, можно представить… можно обмануть себя…» В онемевшую кожу проникли толстые иглы. Он опустил взгляд вправо и вниз и встретился с большими мертвыми глазами, в которых не осталось ничего от морской синевы и тропической зелени, ничего – только черная подвижная слизь. На шее Рени, поверх воротничка небесно-голубого платья, висело коралловое ожерелье. Щеки девочки ввалились, зубы напоминали осколки темного стекла. Завязки на спине разошлись: из-под ткани торчал мясистый гребень, покрытый шипами.

Хендерсон попытался вырвать ладонь и заскулил. Рука Рени заканчивалась клешней морского паука, с подвижным внутренним пальцем. Хитиновые зубцы проткнули ладонь капитана насквозь. Боль была густой, рдяной, незнакомой.

– Почему ты отказался от меня, папа? – глухо спросило существо. Из глаз текла черная слизь, словно Рени плакала. – Почему дал смерти встать между нами?

Хендерсон зарыдал. Он задыхался от страха и зловония.

– Я могу быть хорошей старшей сестрой. Я могу ухаживать за братиком и сестричкой.

Капитан сделал шаг назад, развернулся и побрел к каюте. На его руке висело демоническое создание с лицом Рени, но он чувствовал: она лишь форма, кукла, сгустившийся страх, которым управляет кто-то другой.

Злой. Большой. Древний.

– Па-па, па-па, па-па…

Хендерсон понимал – крохотной частью разума, погруженной в абсолютный кошмар, – что балансирует над краем бездонной ямы. Одно неверное движение, мысль – и он рухнет вниз, разобьется о стены, как зеркало. То, что происходило на судне, лежало за пределами человеческого понимания. От падения капитана удерживали карапузы в капитанской каюте.

Его живые дети.

– Ты не моя дочь, – сказал он, не глядя на раненую руку.

– Потому что я умерла? Папа? Папа!

– Ты не моя дочь. Потому что Рени в раю, в розовом или небесно-голубом раю.

Капитан наклонился, наступил ногой на существо, прижал его к палубе, сжал зубы и резко выдернул руку из клешни.

Хендерсон закричал.

А затем закричал еще раз.

Паукообразное существо осталось на досках. Оно повторяло: «Это я, папа, это я, папа, это я…»

Он решился осмотреть руку только в каюте, когда закрыл двери и занавесил иллюминатор. Ран от зубцов не было. Ладонь стала серовато-желтой, пульсирующей, кожа затвердела и растрескалась, на пальцах вздулись волдыри. Так бывает при обморожении.

Капитан умолял Бланш сжечь платье, которое та купила Рени и хранила в их парижском доме. Он просил жену не слушать голоса. Он плакал. Он закрывал малюткам глаза.

Он вышел к команде уже *другим*.

Прибытие в порт Галифакс, воды которого не замерзают круглый год, не утешило Хендерсона. Воздух Канады показался густым и грязным, гавань пахла будущим страшным пожаром [4]. Капитан смог заснуть только после двух бутылок виски «Канадиан Клаб».

По мере удаления от острова Сейбл к запертому в трюме Стюарту возвращалось здравомыслие. Третий штурман самостоятельно сошел на берег, долго рассматривал возвышающуюся на холме цитадель, а потом улыбнулся капитану. Улыбка вышла рассеянной, но обнадеживающей. В канадской гостинице он прибегнул к помощи веревки, табурета и свечного воска, которым залил себе уши. Тело штурмана нашли утром.

---

[4] Шестого декабря 1917 года (через девятнадцать лет после крушения парохода «Ла Бургонь») в гавани Галифакса произошел чудовищный взрыв: груженный взрывчаткой транспорт «Монблан» столкнулся с судном «Имо». Начавшийся на «Монблане» пожар привел к взрыву, который уничтожил порт и большую часть города. Погибло около двух тысяч человек.

ПОЗОР

По прибытии лайнера «Грешиан» с взятым на буксир барком «Кромантишир» в Галифакс началось расследование. Фактом кораблекрушения занялось морское ведомство торгового флота Франции.

Из показаний очевидцев стало известно о многочисленных убийствах во время и после погружения парохода «Ла Бургонь». Австрийских моряков и итальянских эмигрантов, повинных в кровавых бесчинствах, конвоировали во Францию. Тень легла и на команду «Ла Бургони», как только сопоставили число погибших (или выживших, как сделал Оскар Хендерсон) моряков и пассажиров: двадцать три и пятьсот тридцать восемь.

Несколько свидетелей сообщили под присягой об убийстве кочегара Ле Жульена. Матросы палубной команды оглушили кочегара ударом нагеля и выбросили из шлюпки в воду. От американского священника Августа Пурги, американца Христофера Брунена и француза Шарля Лиебра суд услышал следующие слова: «Французские матросы уподобились зверям, спасающим свою шкуру. Они с бешенством отгоняли от шлюпок беззащитных женщин и детей». На что Поль Фагуэт, нью-йоркский представитель «Компани женераль трансатлантик», пытался возразить:

– В справедливость подобных обвинений очень трудно по-

верить. Наша компания…

Судья перебил:

– Тогда объясните суду смерть двухсот женщин, тридцати детей и пятидесяти младенцев. Вы можете это объяснить?

Фагуэт не мог.

Кораблекрушение лайнера «Ла Бургонь» вошло в историю морских катастроф под названиями «варфоломеевское утро» и «кровавое кораблекрушение».

Гневу мировой общественности французские судовладельцы могли противопоставить единственный аргумент: факт гибели всех, кроме штурмана Делинжа, офицеров «Ла Бургони». Офицеры до последнего исполняли свой долг, даже Делинж (свидетели крушения не имели нареканий в его сторону), который лишь чудом выиграл поединок со смертью: водоворот увлек его на глубину, но штурману удалось вынырнуть.

– Мы шли всю ночь полным ходом, вокруг был туман, – сказал в зале суда Делинж. – На лайнере горели ходовые огни и постоянно подавались гудки.

Ответственным за катастрофу признали капитана Делонкля, который по необъяснимым причинам изменил курс парохода (никто так и не смог ответить, почему Делонкль направил пароход в столь оживленный район судоходства) и погиб вместе с ним. С Хендерсона, капитана английского парусника «Кромантишир», обвинения сняли в конце сентября.

В течение судебного процесса и последующих месяцев на страницах мировых газет часто всплывало словосочетание «позор Франции». В «Нью-Йорк мэйл энд экспресс» писали: «События, развернувшиеся вблизи острова Сейбл, навсегда останутся в человеческой памяти как кровавая драма, подобной которой еще не было». Московская газета «Новости дня» сообщила о смерти борца Юсупова, плывшего в Гавр на борту лайнера «Ла Бургонь». «Нью-Йорк таймс» вышла с заголовком «Это был французский корабль, и с него спаслась лишь одна женщина» на первой полосе.

Виктория Лакассе. Женщина из второго класса. Женщина, которая спаслась.

– Ночью меня разбудили гудки, – сказала присяжным Виктория. – Я оделась и немного посидела в кресле, прислушиваясь. Муж спал. Мне… мне было тревожно. Затем я вернулась в койку, но не успела заснуть – меня швырнуло на ковер. На палубе, когда мы с мужем выбежали из каюты, было много людей. Другие пассажиры, они… напоминали привидений… привидений с испуганными лицами, в панталонах и сорочках… Мы с мужем спрятались под трапом, потому что боялись, что нас раздавят, затопчут. Но судно кренилось, мы побежали к борту, и нам удалось попасть в шлюпку… Офицер не мог справиться с тросами, шлюпка не опускалась… Мы вылезли и побежали к плотам. Как только оказались на корме, лайнер перевернулся, и мы упали в воду. Я плохо помню, как плыла… Кажется, я потеряла сознание… При-

шла в себя уже на плоту, меня втащил муж… Вокруг барахтались люди, они кричали. А потом пароход ушел под воду и стал засасывать за собой плот… Нам повезло, плот ударился обо что-то и изменил направление движения, его отнесло в сторону. К плоту плыли люди, но, когда видели, что нет места, прекращали грести и тонули… Они сдавались… Тела, столько тел в воде… На горизонте были две шлюпки, они уменьшались, уплывали туда, откуда потом появился парусный корабль… Потом я узнала, что это он протаранил нас и что я единственная женщина, которая выжила…

На протяжении года человеческая жестокость на палубах парохода «Ла Бургонь» вдохновляла журналистов больше, чем победы и поражения испано-американского конфликта – первой войны, запечатленной на кинопленку.

ДЕВАЛЬ

Глубина.

Даже киту нужен глоток воздуха.

В легкие рвалась бездна. Сознание пульсировало, переваливалось через край беспамятства.

Деваль пытался полностью расслабить тело, примирить его с натиском холодной воды. Нет, бессмысленно. Глубина… Что-то плохое творится с кровью. Скоро не выдержит грудная клетка.

Когда-то он был неплохим ныряльщиком, когда-то…

Рулевой перевернулся в холодной черной воде. Как глубоко его засосало: на двадцать, пятьдесят, сто футов?

Несколько мгновений до смерти.

Давление на глаза и барабанные перепонки стало спадать. Наверное, вот она – уходящая жизнь, забирающая все, даже боль. Не так уж и плохо.

Он решился открыть глаза.

Дно воронки светлело, расширялось, словно неведомый могильщик остался недоволен своей работой и теперь выкапывал Деваля из жидкой ямы. Или он видит огни загробного мира? Фонари мертвого города…

Вода расступилась, и рулевой глотнул острый, как стеклянная крошка, воздух, забарабанил руками по мембране океана. Затем снова погрузился с головой, захлебнулся, пошел ко дну, но тут ноги уперлись во что-то твердое. Деваль из последних сил оттолкнулся – перед глазами плясали серые круги – и вынырнул.

Вынырнул лицом к острову.

Над полосой песка плыли тяжелые облака. Свинцовая пелена скрыла солнце, небо стремительно чернело. С дюн налетел посвист ветра; тонкий и гибельный, он крепчал с каждым судорожным глотком воздуха, с каждым гребком. Когда вязкое дно приблизилось, позволив Девалю идти, а не плыть, ветер уже безумно выл, сметая верхушки дюн в океан.

Остров Сейбл. Пожиратель кораблей. Кладбище Атлантики. Канадский дьявол.

Песчаные ладони хлестали по мокрому лицу рулевого. Деваль повернулся к туманному горизонту и лег на спину. Зыбь играла им, как корабельным обломком. Он старался грести, но не был уверен, приближается к полумесяцу суши или отдаляется.

«Шестьдесят миль… Даже пароход с исправной паровой машиной не добрался бы до Сейбла так быстро… Как я оказался здесь?.. как выжил?.. – Вопросы рыбешками бились в сетях охваченного лихорадкой разума Деваля. – Я тонул, но водоворот выбросил меня к острову… Или все это игры тумана?»

Ветер затихал, переходя с рева на свист. Кажется, шторм изменил свои планы: спрятал злость в копилку осенне-зимних безумств. Барашки опадали, стряхивая серые шапки пены.

Руки, а затем спина Деваля коснулись дна. Рулевой потерпевшего крушение лайнера «Ла Бургонь» по-рачьи попятился из воды, увязая в ненасытной отмели, в «океанской трясине», и оказался на берегу громадной песчаной насыпи. Снова показалось солнце, слева и справа выросли высокие тени.

Деваль завертел головой, пораженный увиденным.

Его окружали останки судов. Из дюн поднимался тиковый корпус клипера, упрекая небо сломанными костями мачт и рей. Зыбучие пески обнажали останки лайнеров – рыжие, в пробоинах, без малейшего намека на былую величественность. Котлы, пароходные трубы, гребные винты. Реб-

ра шпангоутов, хребты килей. Удлиненный бак с раздавленными каютами. Кусок кормы с дырой якорного клюза.

Рулевой поднялся на ноги. Мокрый, обессиленный, но живой. Он стал тяжело взбираться на небольшой холм.

Сколько судов погубил Сейбл? Десятки? Сотни?

Остроносые ладьи викингов. Бретонские гулеты. Испанские и португальские галеоны, карраки и каравеллы. Урки, навио и паташи. Сосновые суда полуграмотных китобоев из Нантакета, некогда промышлявших в теплых водах Южных морей. Британские смэки, которым уже не суждено пройти на гротовых парусах под двойными рифами. Суда Вест-Индской компании. Парусные и парусно-паровые клиперы с грозной фигурой орла на носу.

Военные корабли, парусники, пассажирские и грузовые пароходы – зловещие утопленники.

Суда не воскресали – о нет, Деваль так не думал. Они были мертвы давно и бесповоротно. То, что сейчас предстало перед его взором, напоминало развороченный могильник. Стальной барк, палубу которого заметал желтый песок, был похож на оторванную верхнюю челюсть аллигатора.

Деваль достиг вершины и увидел в долине пароход. Пароход лежал на левом борту. В днище зияли две дыры с рваными краями. Вода и песок еще не успели уничтожить имя судна: «Хунгария». Рулевой слышал о лайнере «Хунгария»: остров-призрак сожрал его в 1860 году, почти сорок лет назад. Погибло больше двухсот человек.

Сейбл исторг пароход, все эти суда. Жуткие экспонаты в коллекции острова-убийцы.

«А что, если в будущем пароходы можно будет увидеть лишь на таких кладбищах? – подумал Деваль, крошечный и жалкий на фоне стальных мертвецов. – Корабли получат новые сердца, а закопченные трубы и паровые машины станут ненужными, как и гребные колеса. Не будет океанских лайнеров и трудолюбивых буксиров… Мальчишечьи мечты о море обретут новые формы…»

От столь долгой мысли у рулевого разболелась голова. Под ногой хрустнула «именная доска» с названием какого-то судна, но Деваль просто заковылял дальше.

Его окружали странные тени. Бледные, почти бесцветные, они дрожали поверх судов, будто живые пленки. Покрытые «тенями» корабли появлялись и исчезали, словно принадлежали другому миру и видеть их мог только Деваль. Например, обломки гигантского судна без кормы или…

Правее и немного позади переломанного на миделе парусника кто-то полз по песку. Отвратительная фигура, покрытая чем-то лоснящимся, – издалека ее можно было принять за ныряльщика в блестящем костюме, ныряльщика с перебитыми ногами…

Деваль понял, что ног нет вовсе, зато есть рыбий хвост, испещренный, как у макрели, черными точками. Губы рулевого задрожали.

Тварь приближалась. Кожа – серая, растрескавшаяся, по-

крытая осклизлыми ранами; глаза – огромные, запавшие, мертвые; приплюснутый сверху и заостренный снизу череп, мерзкое в своей злости лицо… морда. Из черепа уродливого создания торчали перепончатые уши, похожие на брюшные плавники.

Рыба, рожденная женщиной.

Деваль застонал и пошел прочь. Через каждые два-три нетвердых шага он оборачивался и смотрел на тварь.

«Русалка… голодная русалка… русалка… голодная русалка…» – плескалось в голове рулевого.

У русалки были острые темные зубы, она охотно демонстрировала их. Руки дьявольского создания напоминали искривленные кости, обтянутые бледной кожей; пальцы соединялись коричневыми перепонками.

«Разве русалки не должны быть красивыми? Упругая грудь, шелковистые волосы, белая кожа… и серебряный хвост…»

«Нет», – ответил чей-то голос. Деваль вздрогнул, словно в его голову пробрался большой черный жук. Говорящий жук.

«Но все же она поцелует тебя не любя» [5],– произнес другой голос, ужасно похожий на голос капитана Делонкля.

---

[5] Цитата из стихотворения Константина Бальмонта «Она, как русалка, воздушна и странно бледна…».

Рулевой снова обернулся. Ничего не изменилось.

Он ковылял вдоль острова. Русалка ползла за ним.

Так продолжалось несколько часов, может, дней. Силы вытекали из рулевого, как бурбон из треснувшей бочки. Он поднял камень (тот не так удобно лежал в руке, как нагель, но все-таки) и прижал его к груди. Он шел, а потом пополз. Расстояние между человеком и существом сокращалось.

Деваль закричал, потрясая камнем:

– Уходи! Прочь! Прочь!

Тварь замерла, подняла поросшее кораллами лицо. Уродливые жабры раскрылись, будто озлобленные рты. Деваль повернул голову туда, куда смотрела русалка, и увидел лошадей.

Табун появился из-за холма, он смахивал на мираж, жестокий, как и любой обман. Впереди бежал черный жеребец: мощное тело, мускулистый круп, сильные ноги. Дикий красавец с большими глазами и заостренными ушами. По широкому лбу хлопала длинная челка, такая же черная, как ночь в трюме. Остальные животные были под стать, но в вожаке чувствовалась особая легкость и грация. А еще – угроза.

Русалка закричала. Это был жуткий беззвучный вопль, во время которого пасть твари превратилась в огромную рану, едва не разорвавшую голову на две части, а хвост исступленно колотил по песку.

Копыто черного скакуна обрушилось на голову существа, и над холмами прокатился тяжелый звук, с каким один ка-

мень бьет о другой. Деваль вскинул руку в жесте облегчения и радости. Табун пронесся над русалкой, но, к разочарованию человека, удар вожака остался единственным.

«Ей хватит и этого!»

Тварь подняла голову. Из трещины в плоском лбу вытекала черная слизь. Русалка приподнялась на мосластых локтях, открыла и закрыла пасть, поползла.

– Эй, – прохрипел Деваль вслед лошадям, – вернитесь, она еще жива…

Животные не послушались.

Человек заплакал.

А потом засмеялся.

Да, тварь была жива, но едва двигалась.

Деваль пополз навстречу. В голове стучали черные молоточки. Он строил русалке рожи и тыкал в нее пальцем. Неожиданно она оказалась рядом, словно он на минуту-другую заснул. Деваль победно вскрикнул, схватился рукой за перепончатое ухо, прижал к песку, размахнулся и ударил зажатым в другой руке камнем. Еще раз. И еще.

«Будто колоть кокосы», – подумал за него кто-то.

Он бил до тех пор, пока не расколол череп на фрагменты, пока не разбрызгал черную слизь по песку.

Он немного поспал, а когда проснулся, понял, что ужасно голоден.

Мясо было жестким и отвратительно пахло, но черные молоточки вскоре заставили забыть об омерзении.

Пища несла не только насыщение, но и информацию. Перед ним лежал труп королевы русалок.

«Я ем королеву русалок». Деваль захихикал.

Королева. Среди океанских тварей, что обитали в придонной темноте у острова Сейбл, это означало не всевластие, а всего лишь старость. Просто самая древняя уродливая хвостатая баба, которая не успела забраться в воду, когда остров стал засыпать. Власть покинула это место, покинула на время, но для бывшей королевы русалок – навсегда. Теперь племя выберет новую королеву, водрузит на чешуйчатую голову венок из ломких белых кораллов.

Новая королева.

«Плыви сюда, – думал Деваль, когда в голове стихали другие голоса, – плыви, старушка, и я съем тебя, лежа на траве».

Мяса хватило на неделю.

Деваль перешел на дикий горох, осоку и цветы, что росли в долинах между грядами дюн. Секущий песок не оставлял шанса другой флоре, на острове не поднималось ни единого кустика.

Зато пески были щедры на старинные монеты, украшения, обломки мебели с герцогскими гербами, ржавые якоря, абордажные крючья, сабли, мушкеты… бесполезные вещи. Деваль выкапывал пряжки от сапог, пули и золотые дублоны, отчеканенные полтора века назад. Одну саблю с крестовидной гардой он заточил о камень, монеты сложил в разбитый череп королевы русалок, а пули выбросил в океан.

Иногда он кричал.

Иногда смеялся до кровавой хрипоты.

Иногда – во время ужасных ветров – лежал в яме и пел.

> Распухший, страшный, с черной кровью,
> Безмолвно слушая волну,
> Склонясь к сырому изголовью,
> Сегодня сладко я засну.[6]

Он исходил весь остров – песчаные холмы, дюны, трава, песчаные холмы, дюны, трава – и нашел озеро. Небольшой водоем с полусоленой водой недалеко от восточной или западной (Деваль не был уверен) оконечности Сейбла.

Озеро Деваль назвал Морем. Самый большой холм, высотой с три борта «Ла Бургони», нарек Горой. Себя рулевой все чаще величал Пожирателем Русалок.

Он ждал визита других тварей, не расставался с заточенной саблей, но до самого последнего вздоха, наполненного соленой водой, так и не увидел ни одной русалки. После – достаточно.

Океанские волны перекатывались через дюны и попадали в Море, одежда Пожирателя Русалок износилась, а кожа почернела и огрубела.

Рулевой погибшего судна смутно помнил, что на острове должны жить люди, спасательная команда, но никого не

---

[6] Теофиль Готье, «Тоска на море», перевод Николая Гумилева.

встречал, зато слышал голоса. Голоса напоминали звук, с которым за борт падает жемчуг. На западе (или востоке) ржавел металлический ажурный маяк, из песка торчали огрызки стен. Все это вполне могло принадлежать спасательной станции.

Сейбл пожирал корабли, здания, людей…

Мясо, Деваль думал о мясе. Он почти убедил себя, что мясо русалки было похоже на нежную телятину. Поглядывая на щиплющих траву лошадей, рулевой глотал слюну, но знал, что никогда не причинит вреда истинным хозяевам острова. Не потому, что благодарен, а потому что боится.

Откуда на Сейбле взялись эти выносливые скакуны? Их предки спаслись с погибшего на отмелях корабля? Были завезены? Вышли из воды? Родились в солнечном свете?

Деваль знал ответ, ему подсказывали голоса, но постоянно забывал.

Хозяева острова… или его надзиратели? Сейбл был злым островом, живым и кровожадным, он просыпался и кричал, и лишь копыта лошадей могли снова погрузить его в дрему.

На песчаных отмелях любили понежиться морские котики, но стоило Девалю приблизиться к лежбищу, появлялся табун. Вставал на пути, предупреждал раздувшимися ноздрями и всклоченными ветром гривами.

Однажды из песков Сейбла поднялся лайнер «Ла Бургонь». Пароход, затонувший в пятидесяти или шестидесяти милях от острова, месяц или два назад. Прошел силь-

ный шторм, и зыбуны проклятого острова исторгли огромное судно.

В тот день Сейбл, точно хамелеон, окрасился в цвет океана, хотя Деваль об этом не помнил. Ослепительное падение солнца подарило красивый закат. Когда небо стало чернеть, над верхушками дюн тонко засвистел ветер. Рулевой моргнул, саданул себя кулаком по лбу и решительно поднялся. У него появилась цель.

Деваль стал разбирать лайнер и строить себе жилище. Инструмент подарили кораблекрушения. Он углубил и расширил яму. Укрепил стены. Он работал, ел траву и горох, спал, работал, ел, спал, работал…

Между слоями пароходного корпуса он наткнулся на два скелета: большой и поменьше. Скелеты отличались от других мертвецов «Ла Бургони». Желтые кости, избавленные от гнилого мяса и мышц, покрытые солью, – они лежали здесь давно, больше десяти лет. Скелеты рабочего-клепальщика и молодого подмастерья, которые погибли при постройке лайнера. Они были здесь всегда: и когда «Ла Бургонь» встала на линию Гавр – Нью-Йорк, и когда в 1890 году столкнулась с «Тореадором» (оба парохода остались на плаву), и когда получила от «Компани женераль трансатлантик» машины четырехкратного расширения, и когда была потоплена парусником «Кромантишир».

Два замурованных скелета. Рабочий и мальчик погибли сразу? Или умирали, стараясь перекричать грохот молотков

клепальщиков? Деваль попытался представить, каково это – подыхать под стальной кожей огромного судна, но ничего не вышло. Мозг рулевого превратился в разлаженный механизм.

В голове Деваля жили незнакомые голоса, постоянно щелкал огромный рубильник, будто кто-то дергал по секторам переключатель машинного телеграфа. Иногда рулевой вспоминал свою жизнь до катастрофы. Воспоминания были похожи на картинки на мокром песке, а затем – щелк! – волна, новая мысль, клочок мысли, новый голос, новая песня.

Он перенес скелеты в свой дом-яму, но вскоре выкинул – соседи слишком громко разговаривали. Особенно мальчик.

О проклятии Деваль подумал всего раз. И едва ли это было самостоятельной мыслью. Возможно, о проклятии рассказали голоса. Поведали о мертвецах, сопровождающих лайнер «Ла Бургонь» в каждом плавании. О несмолкающем посмертном крике, который притягивает опасные создания островов и глубин. О «роковом» пароходе «Грейт Истерн», который разорил семь компаний, который неизменно возвращался из рейсов с жертвами и на котором в 1867 году путешествовал Жюль Верн, а после, вдохновленный, написал роман «Плавающий город». Когда в 1889 году «Грейт Истерн» пошел на слом, рабочие обнаружили между корпусами скелет «безбилетника».

Брошенные в песок скелеты скоро исчезли. Деваль не вспоминал о них. Как и о пароходе «Ла Бургонь», вновь по-

хороненном в толще зыбучих песков.

Живой остров поджидал суда рыбаков и путешественников.

На отмелях бурунами кипел океан.

Всходило и садилось солнце.

Прибой окатывал подножия дюн.

В долинах паслись лошади.

Тощий, заросший, утративший человеческий облик Деваль разговаривал с океаном.

В один из безликих дней он ступил в воду, замер, засмеялся, прикрыв рот ладонью, сделал шаг, после паузы другой, снова захихикал, кивнул и уже не останавливался, идя навстречу океану, даже когда перекошенный ухмылкой рот и широко открытые глаза скрылись под пахнущей тухлым мясом водой.

ЛЮДИ-РЫБЫ

В исландских хрониках XIII века упоминается существо, пойманное в сети у замка Орфорд. Существо походило на человека, чье тело поросло шерстью, но с абсолютно лысой головой. Водяной жил на огороженном сетями участке моря и питался сырым мясом. Из него не удалось вытянуть ни слова. А потом он уплыл.

Вице-король и адмирал «Индий» Христофор Колумб изложил на бумаге встречу с тремя русалками. Полуженщи-

ны-полурыбы какое-то время плыли за его судном вдоль побережья Гвианы. Колумб отметил в дневнике красоту морских созданий.

Генри Гудзон, погибший во время бунта от ножа матроса, тремя годами ранее, в 1608-м, записал в корабельном журнале: «15 июня. Вчера один из моих людей, Томас Хилс, видел русалку. На его крики пришел Роберт Райнер. Оба моряка говорят, что за судном плыла странная женщина с черными волосами и белой кожей. Она с интересом рассматривала их, как дикари рассматривают кусочки стекла. Когда женщина перевернулась на волне, Хилс и Райнер увидели хвост, какой бывает у бурого дельфина, но в пятнах, будто хвост макрели. Трезвость моряков, когда они рассказывали мне эту историю, хоть и удивительна, но бесспорна».

Все тот же XVII век. Из мемуаров Ричарда Уитбурна, капитана английского флота, следует, что в гавани канадского острова Ньюфаундленд им была встречена мифическая русалка. Женщина-рыба обрадовалась англичанину, на ее красивом лице не было ни капли испуга. Испугался сам капитан. Голову русалки покрывали синие волосы, глаза были непропорционально большими и очень глубокими. Заметив, что человек боится, русалка поплыла от берега. Она часто оглядывалась на Уитбурна. На следующий день о встрече со странным существом капитану рассказали местные рыбаки: по их словам, русалка пыталась забраться к ним в лодку.

И снова XVII век. Уильям Дампир, известный пират и ме-

нее известный мореплаватель, стал свидетелем гнева тайфуна – его корабль отбросило на юг от побережья Китая. И там, на пути к Австралии, Дампир повстречал «водных дев, которые пели о прошлом и будущем». Работая над черновиками «Нового плавания вокруг света», наряду с данными о взаимосвязи течений и ветров Дампир упомянул о потерянных островах, которые обжили мертвецы. В его дневниках также нашлись заметки о прародителе людей-рыб – гигантском осьминоге из Карибского моря.

В 1717 году аборигены острова Калимантан (или Борнео, как настаивает экспедиция Магеллана) вытащили на берег «Земли манго» похожую на угря сирену. Тварь пищала и извивалась. Ее посадили в бочку с водой, в которой она умерла на пятые сутки.

В 1737 году рядом со столицей графства Девоншир в сети попалось четырехфутовое чудовище. Его выставляли на площади города Экстер. Выставляли мертвым. Русалку забили палками сами рыбаки: умирая, она стонала, как человек, и била по дну лодки хвостом. Об этом писали в «Журнале джентльмена».

В 1739 году матросы корабля «Галифакс» поймали, убили, поджарили и съели несколько невиданных существ, которые напоминали превратившихся в рыб упитанных детей. По словам команды, мясо было нежным.

В XIX веке, после того как частный капитал рассмотрел в информации товар, русалки стали желанными гостями га-

зетных страниц. На реке Лиффи ирландец стрелял из пистолета в русалку; существо пронзительно закричало, нырнуло и больше не показывалось. Шотландское озеро Лох-Шин стало местом трагедии: появление людей спугнуло женщину с хвостом, которая скрылась в воде; на приозерном лугу остался обглоданный труп молодого парня. В Дании, на волне печатно-хвостатых сенсаций, даже создали королевскую комиссию по изучению русалок.

В трактате «Carmina Gadelica» рассказывается об удивительном создании, найденном на острове Бенбекьюла (архипелаг Внешних Гебридских островов). Шотландский клирик Александр Кармайкл описывает русалку как миниатюрную женщину с большой грудью и рыбьим хвостом без чешуи: «…будто кто-то очистил ножом огромный хвост кефали. Мягкая, водянистая, бесцветная кожа. Темные, жесткие волосы, о которые можно порезаться». Диковинное существо одели в саван и похоронили в гробу.

В 1881 году студенты нашли на реке Чарльз труп русалки. Вот что написал репортер бостонской газеты: «Женский торс и голова, лицо не отличить от человеческого. Вместо ног – серый хвост с розовым плавником. Пальцы существа оканчиваются длинными когтями, которые больше подходят орлиным лапам».

Одним из первых свидетельств существования русалок в XX веке стали слова Александра Ганна, который в 1900 году увидел облокотившуюся на риф женщину с золотистыми

волосами. Ганн смог приблизиться к русалке на расстояние в шесть футов, что позволило рассмотреть детали: дугообразные брови, янтарные глаза, покрытые чешуей груди. Это случилось на севере Шотландии.

Потом случилось в Марокко. Затем в пригороде Замбии. Во Флориде. В Западной Сибири. Около островов Рюкю…

ХОЛОДНЫЕ ПЕСНИ ОСТРОВА СЕЙБЛ

Его звали Джонас Клима. Он родился в Зальцбурге, в Австрии.

Отец подарил ему фотокамеру, когда Джонас был совсем юным. Для мальчика это стало удивительным подарком. Он бродил по зеленым лугам, крестьянским дворам, старым паркам и фотографировал. Больше всего он любил снимать альпийских коров. И вот однажды Джонас сказал сам себе: «Ну что, может, я и стану фотографом. Мне это нравится».

Он стал учиться фотографированию: по семь часов в день, пять дней в неделю, три года. В 1986 году он открыл свою студию в Квебеке. Он снимал рекламу виски, кроссовок, женского белья, снимал показы мод. Ему повезло провести ряд успешных кампаний и стать знаменитым. Но Джонас не хотел остаться в истории просто рекламирующим моду фотографом. Он хотел сделать – снять – нечто *настоящее*.

В девяностые годы он увидел по телевизору передачу об острове Сейбл, расположенном у берегов Новой Шотландии,

и его невероятных лошадях. Джонас с волнением смотрел на черно-белые кадры, на зернистые фотографии… «Я должен отправиться туда и снять все это», – сказал себе сорокалетний фотограф из Зальцбурга.

Одного желания попасть на Сейбл было недостаточно. Суперинтендант острова Сейбл пообещал: «Я подумаю». Джонас не стал ждать, он собрал вещи, оборудование и через два дня стоял перед суперинтендантом со словами: «Я здесь, в Галифаксе, и готов ехать на остров. Теперь все зависит от вас». Суперинтендант сказал: «Ладно». На следующий день Джонасу позвонили и сообщили, что самолет будет готов к шести часам.

Джонас стал снимать еще в воздухе. Ясный день, ни единого облачка под брюхом самолета. Сидя у иллюминатора, он смотрел через объектив фотоаппарата на узкий полумесяц, плывущий в синеве океана. Южный берег окаймляла белая пена прибоя. Металлические крыши строений и похожих на ангары домиков, удлиненное озеро, ажурные маяки, радиомачта – они блестели на солнце, а Джонас щелкал затвором.

Джонаса встретил инспектор Джери и его внедорожник, который доставил мужчин в центр острова, где располагалось три жилых строения (дом инспектора, дом сотрудников и гостевой дом), способных выдержать ураганный ветер и зыбучие пески, а также четыре служебных помещения (склад, кузница, столярная мастерская, ангар со стоящи-

ми на рельсах металлическими вельботами). Другие строения были связаны с жизнеобеспечением и инфраструктурой станции и снабжали научные программы.

На острове жили около трехсот лошадей. Одни, потомки кавалерийских скакунов, оказались здесь после кораблекрушения, других завезли с материка. Они уже не имели определенной породы, а были просто лошадьми острова Сейбл.

Уходя в двух-трехдневное путешествие, Джонас брал с собой оборудование (таскать его по острову требовало значительных усилий), термос с чаем и полоски вяленого мяса, упакованные в полиэтиленовые пакеты. Поначалу животные с любопытством рассматривали человека, разгуливающего по их полям, но со временем привыкли.

Его интересовали энергия лошадей, отношения, которые он установил с животными, с островом. Он брел за ними, рядом с ними, немного поодаль, у самых границ острова, держа камеру правой рукой у бедра. Иногда он приседал и подносил фотоаппарат к лицу, иногда отщелкивал серию кадров стоя. Животных нельзя было заставить вести себя определенным образом, позировать, как моделей-марионеток. Джонас просто оценивал условия и фотографировал. Как есть. Жизнь.

Сначала – зрительный контакт, поиск эмоции. А потом – камера, кадр, еще кадр. Он снимал их на фоне зеленых холмов, как они щиплют траву, скучают, резвятся. Портреты и групповые снимки. Фотографировал их на фоне тумана, ко-

торый окутывал остров двести дней в году. Он запечатлевал на пленке статного черного жеребца, оберегающего стадо. Несколько раз вороной едва не создал Джонасу неприятности, пока тот не бросил попытки подойти слишком близко.

Он концентрировался на лошадях, игнорируя пейзажи и тюленей. Он искал тот кадр, ради которого приехал сюда. Он искал *идеальный* кадр. Тратил массу пленки (привычка со времен рекламных съемок), разговаривал с четвероногими красавицами и красавцами, снимал, снимал, снимал и

(щелк)

нашел.

Проявленный снимок отнял у него сон.

Джонас сделал его рядом с Голой дюной, у южного подножия которой лежала Долина лошадей. Здесь обитали около пятидесяти животных – восхитительное зрелище.

Он фотографировал утром, когда спряталась луна и начало всходить солнце. Лошади на светлом фоне. Шелест травы. И ощущение того, что этот день, даже ближайший час изменит тебя.

Так и произошло.

Снимок разрушил Джонаса. Испортил, как неправильно подобранный проявитель портит пленку.

Испортил. Да. Это верное слово.

На нем были лошади, только лошади (Джонас показал фотографию Рите, естествоиспытателю, которая провела на острове практически всю свою взрослую жизнь, и та всего

лишь сказала: «Это очень красиво»), но

(это не все)

там было что-то еще. Животные словно прикрывали своими телами неправильную черноту, дыры в ткани мироздания. Джонас не мог объяснить проникший в него страх. Он уничтожил снимок, но тот остался жить в его голове.

Как и песни.

Песни острова Сейбл.

Остров стал общаться с ним, знакомить со своими мертвецами.

Первого мертвеца Джонас увидел через три дня после того, как сжег *тот самый* снимок. Покойник брел по отмели, а когда увидел фотографа, направился к нему.

– Помогите… молю… я со шхуны «Сильвия Мошер»… помогите…

Он не говорил – выбулькивал слова, но Джонас понимал его, к сожалению, понимал. У мертвеца был нереально, почти комично раздувшийся живот. Почерневшую шею опутывали веревки вен. Пустые глазницы утопленника заполнял мокрый песок.

– Помогите…

Джонас закричал, повернулся и помчался по песку в сторону станции. Он несся, плохо соображая, оставив у берега штатив с камерой. Мозг парализовал страх, алая пена, разум зациклился на мысли-команде «Беги!».

Мимо проплывали горбы дюн и встающие на дыбы ло-

шади. Внезапно сквозь алую пену проник чей-то голос, он пел, и эта песня была похожа на холодный дождь, за пеленой которого прячется нечто непостижимое, уродливое и бесконечно злое.

Джонас обернулся и увидел, что мертвец идет следом. В каких-то десяти-пятнадцати шагах. Покойник протягивал к нему беспалую кисть.

Фотограф захрипел и побежал быстрее, хотя думал, что быстрее уже не сможет.

– Джери! Откройте! Джери! – Джонас забарабанил в дверь. Он почти не помнил, как добрался до станции. Он задыхался.

Через двадцать минут, сидя на кухне инспектора, Джонас пытался убедить себя, что виной всему солнце и переутомление.

– Вы ведь знаете историю острова. Сейбл коллекционирует кораблекрушения, как нумизмат монеты, – говорил Джери, устроившись на стуле напротив Джонаса. История Джонаса не удивила Джери: мертвец не произвел на инспектора должного – хоть какого-нибудь – впечатления. – Пейте, Джонас, это поможет.

Фотограф сделал глоток. Виски обжигал и действительно успокаивал. Сотня-другая таких стаканчиков наверняка решила бы все вопросы.

Эта мысль, несмотря на соблазнительность, была… *не его*.

Джонаса передернуло. Он действительно видел молящего

о помощи мертвеца, или ему показалось? Безумие запечатленных в памяти картинок было слишком выпуклым и нереальным.

– В песке острова столько человеческих костей… – Инспектор заглянул в глаза Джонаса и чему-

то кивнул. – Призраки? Привидения? Почему нет? Это место идеально подходит для них. А еще для стрессов и странных мыслей.

– Но я… Меня не пугают все эти утонувшие корабли…

Не пугали до этого дня.

Джери поднял руку:

– Да, да, я знаю, что вы сами захотели приехать сюда, что были здесь счастливы в своей работе. Но – вы *знали* о порче, проклятии острова. И ваш разум воспользовался этим, выбрав момент слабости и превратив информацию в жуткое видение. Не вы первый и, боюсь, не последний. Прошлый смотритель покинул остров по схожей причине.

– Он… кого-то *видел*?

Инспектор кивнул.

– И слышал… Моряки, да и многие местные, по-прежнему не любят остров, даже несмотря на то, что последнее судно Сейбл слопал сорок три года назад, в сорок седьмом. Полакомился пароходом «Манхассент». Мы сняли проклятие. Лучи маяков видны за пятнадцать морских миль, в эфире постоянно слышны сигналы радиомаяка. Сейчас это заповедная зона, достояние Канады…

Какое-то время они молчали.

– Вы читали о том, что Сейбл движется? – первым заговорил Джери. – Остров меняет очертания. Сильные течения – Гольфстрим и Лабрадорское течение – сталкиваются, размывают песок здесь и намывают там. Благодаря этому Сейбл развивает безумную для куска суши, прикрепленного к мощной тектонической плите, скорость: двести метров в год. Он кочует на восток, двигаясь быстрее океанского дна. Геологи до сих пор хватаются за головы. Некоторые скорее склонны поверить в то, что остров – это живой кремниевый организм, таинственное существо, чем объяснить его неуклонное движение.

Следующие четыре дня Джонас провел на станции. Он не мог решиться на что-либо: уехать или продолжить фотографировать. В сердце фотографа поселилась липкая тревога, по ночам ему снился *тот самый* снимок, он приближался, точно огромный плакат на трассе, и прятавшаяся за лошадьми темнота разъедала мускулистые тела, просвечивала сквозь ребра… Джонас просыпался с криком, но, помимо снов, ничего не происходило.

Четыре дня.

А потом он увидел шхуну «Сильвия Мошер».

Судно поднялось из песка между электростанцией и метеостанцией и осталось стоять на киле. Сломанные мачты окутывал мерцающий свет, а вокруг бродили мертвые матросы. Они молили о спасении. Когда фонтаны песка ослаб-

ли, а небо очистилось, Джонас почувствовал что-то похожее на облегчение. Потому что, потому что

(щелк)

он знал, что рано или поздно Сейбл снова заговорит с ним. Песнями или видениями – какая разница? – но заговорит. И в этом ожидании хранился настоящий ужас, расшатывающий нервы, парящий над головой черной птицей. Если ждать слишком долго, можно сойти с ума. Или пропустить сотню-другую стаканчиков виски.

На следующий день к нему подошел обнаженный мужчина с блестящей кожей, красными жабрами и перепонками между пальцев.

– Я съел королеву русалок, – сказал призрак и захихикал.

Фотограф захихикал в ответ.

Через две недели, когда колеса самолета оторвались от острова, Джонас сидел спиной к иллюминатору, баюкал в руках початую бутылку виски и что-то напевал под нос о залитом кровью подиуме и длинноногих моделях с отпиленными ступнями.

Сейбл подпевал.

Быстрые сумерки

Ночь перед стартом Юрий Таболин провел в неясных обрывочных сновидениях, однако после подъема, в четыре тридцать, чувствовал себя вполне бодро и свежо. Он представил, что впереди напряженный день. Что в этот раз он доедет до стартовой площадки, поднимется на лифте к люку в бытовой отсек корабля… «Клизму делают всем, а летят только основные», – шутил Семен Павлович Мунх, командир дублирующего экипажа. Таболина подобные шутки нервировали. Вечно вторые! Лестница в космос – вот она, прямо перед носом, но им дозволено лишь потоптаться у нижней перекладины и отправиться восвояси.

Мягкий сухой пар обволакивал тело. В бане, лежа на полке, Таболин закрыл глаза и стал ждать, когда до него дойдет очередь на «стерилизацию». Космонавты обоих экипажей перекидывались короткими репликами; мыслями все были уже в полете.

На Таболина легла тень врача, в запрокинутой бутылочке булькнуло.

– Варвар ты, Алексеич, – сказал Таболин; спирт испарялся, отбирая у кожи тепло. – Внутрь надо втирать.

Влажная губка прошлась по засохшему ожерелью из крошечных ранок на предплечье. Дублер открыл глаза.

– Не чешется? – спросил врач. Его узкое лицо выражало

совершенную безучастность.

– Нет, – соврал Таболин. Зудело так, что хотелось содрать кожу.

– Хорошо. Перевернись.

После обработки Таболин получил герметичный пакет с чистым бельем. Космонавты побрились, умылись и влезли в тренировочные костюмы; основной экипаж уложил гражданскую одежду в сумки, которые отвезут их семьям дублеры.

В гостиничном номере Таболин поборол ставшее привычным чувство разочарования и тепло пообщался с ребятами из первой тройки. Когда-нибудь подбадривать и напутствовать будут его. В комнате толпились врачи, методисты, начальники. Мунх сыпал анекдотами. Вася Кравуш, запасной космонавт-исследователь, по-женски звонко хохотал. Опрокинули по бокалу шампанского, заместитель начальника ЦПК выдохнул: «С богом!», и все вышли в коридор. Основные расписались на двери номера, в котором жили перед стартом. От вспышек блицев Таболин зажмурился.

Автобусы – с прогретыми двигателями – ждали во дворе гостиницы «Космонавт». Оба экипажа выстроились на крыльце в ожидании сигнала. Из динамиков громыхнуло: «И снится нам не рокот космодрома…»

Прошлой ночью Таболину тоже снился не рокот космодрома. Не было в сновидении и зеленой, зеленой травы. Зато была плесень – серое, шевелящееся, зовущее нечто, под

которым с трудом угадывались приборы, переборки, иллюминаторы… люди?.. Он несколько раз просыпался, растирал кисти, сжимал и разжимал пальцы – ужасно ломило суставы, а потом снова срывался в это серое, шевелящееся, зовущее…

За спиной щебетал персонал гостиницы. Таболин шагал слева от командира (Мунх широко улыбался), Кравуш справа. В затылке Таболина разрасталась боль, зерно которой посеял всплывший в памяти кошмар. Пятьдесят метров сквозь коридор из приветствий – и они в автобусах.

Таболин будто расщепился. В его мечтах на борту автобуса, в который он поднялся, было написано «Звездный», в реальности – «Байконур».

«Байконур», транспорт дублеров, включил синий проблесковый маячок и тронулся следом за «Звездным». Автобусы и кортеж сопровождали милицейские машины. Прощаясь с Ленинском, колонна двинулась в сторону космодрома. До старта оставалось шесть часов.

– Но мечтаем скорей этот город покинуть… – пропел Мунх, расшторивая окно.

– Чтоб потом вспоминать, вам не понять почему… – подхватил Кравуш.

Таболин вспомнил другие строки из той же песни: «И гордимся мы им и его ненавидим. Он запомнится нам, этот город в песках [7]». Но озвучивать не стал. Причины для нена-

---

[7] Песня «Неизвестный город (городу Ленинску)» Александра Калистратова.

висти перевешивали.

Времена, когда Ленинск, как пелось, стоял в пустыне белой сказкой, давно прошли. После перестройки из прибрежных и степных аулов в город хлынули казахи, городская власть перешла к гражданским, армию сократили – все зашаталось и рухнуло, как развалившаяся на старте ракета. Начался разбой. По некогда чистым спокойным улицам пронеслась стая хищников. Парки высохли. Сгорели Дом офицеров и детский сад. Потемнели обелиски. Но разграбленные квартиры пустовали недолго. Ленинск стал опасным. По слухам, в черте города находили изуродованные трупы. Такое могли сделать звери, но могли и люди. Таболину часто снились разные мерзости. Изувеченные до неузнаваемости останки, словно человека вывернули наизнанку и вытрясли внутренности. Таболин даже чувствовал страшный смрад – в кошмарах, которые были не совсем кошмарами, потому что… он почти не боялся.

Колонна медленно потекла через КПП. Взгляд Таболина путался в спирали Бруно, что тянулась поверху бетонного забора. Космонавты жили как заключенные. Это и спасало.

Степь полыхала ярко-красным. Маковое море накатывало с двух сторон.

Сколько еще до «двойки» [8]? Час, меньше…

Таболин уткнулся лбом в дымчатое стекло и попытался представить, какие мысли витают в салоне первого автобуса.

---

[8] Площадка № 2, группа сооружений стартового комплекса.

Что испытывал бы он на месте тех, кто ехал «в один конец»? Опустошающую радость? Смутную тревогу? Или окрошку из этих чувств? По телевизору крутили специально подготовленный видеофильм. Никто не обратился лично к дублеру Таболину, не напутствовал просто и искренне, лишь мелькнула (в памяти) фотография матери и отца, а затем на экране всплыло бодрое и усатое лицо Леонида Якубовича.

Стеклянные перегородки отделяли салон от входных дверей, у каждого борта стояло по шесть кресел, вентиляционная магистраль предусматривала подключение скафандра. В автобусе свежо пахло чем-то цветущим, отнятым у внешнего мира. Маками?

Колонна ушла с трассы влево и остановилась около монтажно-испытательного корпуса второй площадки. Последним из «Байконура» вышел Таболин.

Во время завтрака в МИКе он, молча уплетая красную икру и прихлебывая чай, поглядывал на командира первого экипажа. Тот не притронулся к еде, лишь взял со стола пучок зелени, кажется, петрушки, понюхал и завернул в пакет. Повезет на станцию – Уссаковскому, Алиеву и Рюшину, отвыкли ребята от вкусов и запахов, а на Землю не скоро, большие дела ждут… Подумать только, Луна…

Луна!

Четыре месяца назад автоматические модули ЛОМ-1 и ЛОМ-2 (Таболин слышал несколько забавных версий того, как утверждали аббревиатуру Лунный обитаемый модуль)

прилунились в кратере Шеклтон. Их дистанционно разбудили с орбиты: трудитесь в поте систем и механизмов. Модули выгрызали из тени кратера водный лед. Впитывали высокими куполами солнечную энергию – спасибо «пику вечного света» [9]. Поддерживали оранжереи и бассейны с бактериями. Накапливали, измеряли, подготавливали, извлекали из недр. На РКС [10] контролировали работу и корректировали параметры, в ЦУПе не могли нарадоваться цифрам и графикам, особенно с полигонов по добыче полезных ископаемых. Пришло время первой экспедиции – меньше чем через месяц шлюзы первого и второго ЛОМов откроются перед человеческой настойчивостью.

Таболин ощутил укол зависти, дергающую боль бессилия. Запасной, вечный запасной… Интересно, испытывал ли что-то похожее Нелюбов [11]? У Таболина гудела голова, болел позвоночник.

– Перекур? – спросил Кравуш, молодой, русоволосый, преисполненный надежд: не на сегодня, так на завтра. – Тринадцать минут в запасе.

---

[9] Точка на поверхности космического тела внутри Солнечной системы, которую всегда освещает Солнце (за вычетом затмений).

[10] Российская космическая станция.

[11] Григорий Нелюбов, второй дублер Гагарина; свел счеты с жизнью.

Таболин кивнул, дублеры направились в курилку. Похоже, Кравуша тоже мучила мигрень – парень массировал виски.

Дальше – снятие электрокардиограмм, измерение давления. Космонавты переоделись в стартовое белье и полезли в «доспехи». К новому дизайну модифицированного скафандра Таболин успел привыкнуть во время тренировок в гидроневесомости. Серебристый, многофункциональный, с более гибкими плечевыми, локтевыми и коленными частями, с упакованной в рюкзак системой жизнеобеспечения. Внутри скафандра уместился бы и человек гораздо крупнее дублера, но неудобств это не доставляло; пространственный шлем имел необычную форму, вытянутую в лицевой части. Таболин устроился в ложементе. Техник занялся проверкой скафандра: «Норма… норма… норма…» – словно сигнал датчика, а не голос живого человека. Герметичность, системы жизнеобеспечения – все в норме. Да и бог с ними, ему-то зачем? После проверки в скафандрах останется лишь первая тройка, а запасные облачатся в комбинезоны.

Дальше – беседа через стекло с большими людьми, беглое общение с журналистами.

Встали. Основные повернулись к дублерам. Командир первого экипажа хлопнул Таболина по плечу. Дублеру почудилось, что по небритому уставшему лицу командира прошмыгнули бугорки плоти, какие-то темные опухоли. Таболин не стал потакать – чему? галлюцинации? – и отвел взгляд.

Космонавты вышли из МИКа и под шквал аплодисментов погрузились в автобусы.

– Сегодня они, завтра мы, – довольным тоном сказал Мунх, и «Звездный» с «Байконуром» тронулись с места.

Колонна проползла сквозь кричаще-машущие шеренги. Таболин ласкал взглядом ракету-носитель; ракета высилась на старте. По дороге стелился туман, плотный, слепой, быстрый – вскоре Таболин мог различить лишь первый автобус, смутное подмигивание проблескового маячка. Космодром исчез. По стеклу поползли капли дождя.

Кортеж остановился. Передние двери открылись. Дублеры вышли из автобуса и стали мочиться на заднее правое колесо. Гагаринскую традицию надо чтить. Таболин с трудом выдавил на резину несколько капель, повернул голову и отметил, что в «Звездном» не опустили шторки. Странно. Правда, рассмотреть что-либо сквозь дымчатое стекло он не смог.

Основные стояли в скафандрах, приоткрытых ниже пояса. Первыми отстрелялись бортинженер и космонавт-исследователь. Командир не спешил. Прежде чем подняться в автобус, он повернулся в сторону Таболина, и у дублера перехватило дыхание. Клювообразное забрало было поднято, и на фоне темного, почти черного лица горели желтым огнем нечеловеческие глаза. Вспышка головной боли ослепила Таболина.

Когда он снова смог видеть, на обочине возле «Звездного»

никого не было. Автобус не трогался, двери оставались открытыми. Белесое марево окутало серебристый кузов с оранжевыми и белыми полосами. Прямоугольные фары глядели глазами зверя. На мгновение Таболин снова увидел того, кто еще несколько минут назад был командиром первого экипажа, – уродливое лицо приникло к стеклу, оскалилось и пропало, и в тот же миг одновременно раздались выстрел и безумный крик. Таболин закрыл лицо руками, но продолжил смотреть сквозь пальцы. Вглядываться в дымку.

В салоне «Звездного» прозвучал еще один выстрел. Третий. Звуки борьбы. Таболин увидел, как из автобуса выскочило горбатое существо, чистое безумие. Тварь бросилась на четвереньках в туман, затем вскочила на ноги, и тогда грянул новый выстрел – и существо упало.

Таболина втащили в салон. Двери «Байконура» захлопнулись. Он упал (или его усадили) в кресло и открыл глаза. Лицо было мокрым от дождя и слез.

Шум бойни стих.

– Поехали! – крикнул кто-то из сопровождающих.

Автобус дублеров тронулся, объезжая «Звездный», точно место аварии. Возглавляющая колонну милицейская машина сдала назад и замерла между первым и вторым автобусом. Открылась передняя пассажирская дверца, почти сразу упершись в борт автобуса № 1. В щель просунулся автомат, затем – странный шлем, больше похожий на проволочную клетку с бритой головой внутри, и наконец – весь хозяин

бритой головы, облаченный в снаряжение для дрессировки собак; он выбрался на крышу машины и взял окна «Звездного» на прицел…

– Что там? – громко спросил Мунх. – В кого стреляли?

– Ни в кого, – отрезал плотный человек в гражданском, в руке он сжимал пистолет – небрежно, у бедра, будто сигарету, о которой забыл. Таболин не помнил этого человека: ни кто такой, ни когда сел в автобус. – Как приедем, влезайте в скафандры.

Другая милицейская машина прошла левее. Ослепительно светили фары, помаргивал синий маячок. Сейчас включат сирену, которая яростно заклекочет… или уже включили, но он не слышит?

«Звездный» остался позади. Стоит. Так. Так. Так… что же случилось?!

Таболин стиснул ладонями виски. Суставы крутило, словно он дожил до артрита.

Слева и справа выскакивали из тумана голые, угрюмые, блестящие влагой кустарники, озаряемые огнями фар и прожекторов. Автобус потряхивало – водитель спешил, превышая установленную скорость. Сзади, точно на привязи, шла еще одна милицейская машина с красно-синим ореолом над мокрой крышей.

Вдруг подвижное молоко тумана расступилось, и придвинулась стартовая площадка с колоссом ракеты. Таболин осознал, что произошло. Не причину, а следствие. Случилась

непредвиденная ситуация (он легко согласился сам с собой, что стоит думать о выстрелах, криках и горбатом существе именно так – как о непредвиденной ситуации), но запуск должен состояться. Автобус № 2 не возвращался на смотровую площадку, а…

Это было похоже на сон. Впрочем, за последний месяц сны сделались ярче реальности, так что Таболин не сильно терзал себя вопросами. Думал о другом: теперь они – основные. Они полетят.

Он – основной! Он – полетит!

Сердце наполнилось радостью, притупилась боль – в руках, позвоночнике, голове. Он оглянулся на коллег, но увидел нечто похожее на улыбку лишь на лице Кравуша. Круглолицый Мунх был мертвенно бледен и неподвижен.

Мгла осталась позади. Дождь закончился.

Никто с ними не прощался, не желал удачи. Не было и привычной толпы, вспышек блицев. К подножию ракеты их сопроводил человек с пистолетом.

– Делайте свою работу.

Таболин не возражал. Его мысли занимала орбитальная станция.

Вокруг ракеты клубился пар. Лифт поднял их к площадке – и вот уже техники помогают бывшим дублерам забраться внутрь. Таболин протиснулся в спускаемый аппарат и упал в кресло. Кравуш кряхтел, затягивая привязные ремни. Мунх смотрел на Таболина – хотел что-то сказать, спросить, поделиться безумными догадками, но молчал: их слушали по радио.

Предстартовый осмотр занял два часа.

Наконец вибрации ракеты усилились. Сердце дублера забилось быстрее. Таболин почувствовал прощальное движение кабель-мачты, корабль задрожал, как живой организм. Отошла мачта «земля – борт». В шлеме звучал голос инструктора, заглушаемый гулом двигателей:

– Контакт подъема!

– Летим… – одними губами сказал Таболин, сливаясь с устремленностью ракеты.

Плавно нарастали перегрузки. Космонавты следили за состоянием систем. Жестко, с «брызгами» отошла первая ступень, ракета сбросила головной обтекатель – и горизонт начал искривляться. Они впервые увидели Землю и окончательно уверовали, что она круглая.

Время от времени Таболин, стиснутый привязной системой, всматривался в напряженное лицо Кравуша. С коллегой было что-то не так. С Таболиным, впрочем, тоже – чесалось все тело, словно через поры лезли крошечные иглы. Больше всего зудела рана на предплечье. Почему ею не заин-

тересовался врач? Таболин не помнил, откуда взялась рана. Его тело и память молчали. Возможно, ответ крылся в снах.

Вторая ступень… третья…

– Вы на орбите, – сообщил инструктор и передал связь ЦУПу.

В ракету просочилась невесомость. Таболин смотрел в иллюминатор справа от кресла. В голове нарастал шум, ладони пощипывало. Что-то не так было с этим полетом, с основным экипажем, с Ленинском… Во всем прятался ужас.

Автобус… что там произошло?.. Господи, они ведь стреляли…

– Не крути, голова отвалится, – сказал Кравуш. – Успеешь насмо…

В спускаемом аппарате неожиданно потемнело, и голос космонавта-исследователя перешел в рычание. Мунх застонал.

– Что они с вами сделали? – жалобно произнес командир.

Таболин переводил взгляд с Мунха на Кравуша. Послышалось, разумеется, послышалось… Вот только что у Кравуша с лицом? Они ведь брились сегодня утром…

Его отвлек иллюминатор. Ракета плыла в тени Земли. Под ними был Тихий океан, скрытый грозовыми тучами. Как же красиво!

Глаза привыкли к тусклому свету корабельных светильников. Через два витка Таболин выплыл из скафандра и переоделся в полетный костюм. На коллег, особенно на Кравуша,

он старался не смотреть. Напряжение сменилось усталостью. Таболин сунул ноги под резинку и, недолго поразмышляв, что считать верхом, а что низом, заснул.

Проснулся под «Ваше благородие» из «Белого солнца пустыни». Рядом сопел Кравуш. Лицо космонавта поросло жесткой щетиной, будто тот не брился неделю, – рыжеватые волосы окаймляли глаза и нос. Таболин потрогал свое лицо и удивился ощущениям. Мунха он обнаружил в кресле спускаемого аппарата – командир смотрел на бортинженера красными невыспавшимися глазами, которые словно застыли, и вместе с ними в глубине черепа застыло, окаменело сознание человека.

Приближалась станция.

Таболин почувствовал за спиной давящий, тяжелый, злой взгляд. Кравуш. В голове пульсировала тупая боль, грозила перейти в громоподобный рев. Наверное, от прилива крови. Таболин помассировал виски, сосредоточился на маневрах и сближении с РКС. Неподвижного Мунха, как и Кравуша, оставшегося в бытовом отсеке, он игнорировал. Автомат подвел ракету к станции. Толчок. Стыковка с модулем.

Снова окатила волна полного счастья, небывалой легкости. Неужели это реальность? Неужели не сон?

Таболин проверил герметичность стыка, дождался, когда выровняется давление, открыл люк и зафиксировал его на крючок. В корабельном иллюминаторе виднелся фрагмент солнечной батареи.

Станция казалась чужой. Враждебное пространство, дикая территория. Он готовил себя к этому, но ощущение неприятно поразило его. Их никто не встречал. Таболин не сразу уловил связь между ощущением и фактом.

Впереди было много работы, поэтому бортинженер выпрямил ноги и оказался в горизонтальном по-

ложении, головой к станционному модулю. Лежать в воздухе было удобно. Он перевернулся на живот, поднял колени к груди и поплыл вглубь комплекса, чтобы найти центральный пост – людей.

Внезапно за спиной раздался какой-то чавкающий звук; мысли в голове Таболина спутались. Он оттолкнулся от увитой кабелями стены и развернулся.

Мунха терзал зверь. Командир был еще жив, но не кричал – пустые глаза вращались в глазницах, а тело тряслось. Круглое и бледное, будто луна, лицо Мунха кривилось, губы беззвучно дрожали. Спасения не было.

Зверь грыз руку командира. Рвал, глотал. Куски плоти исчезали в клыкастой пасти. Во все стороны разлетались шарики крови – они танцевали в невесомости, словно радовались освобождению.

И тогда Мунх завопил.

От этого окрика – такого же пустого и дикого, как и глаза командира, – Таболин оцепенел. Он несильно ударился о потолок или пол и стал отлетать от корабельного бытового отсека, в воздухе которого пульсировали красные шарики. Он вытянул ноги, кувыркнулся, повис вниз головой и из этого положения увидел, как зверь схватил Мунха за горло, вскинул когтистую лапу и резко опустил. Брызнула кровь – будто огромная рыбина выстрелила в воде струей икринок. Из ужасной раны выпали внутренности. В глазах командира мелькнула долгожданная смерть, которой противилось тело.

Зверь полоснул наискось по лицу Мунха. Запах крови вытекал через открытый люк в тесное помещение станции. Кравуш принялся пожирать добычу. В шерсти путалась кровь.

Таболин подтянул ноги и поплыл. Прочь, прочь, прочь…

Добравшись до переходного узла, он обернулся и увидел закрытый люк.

К своему удивлению, Таболин не чувствовал страха. Легкое беспокойство – да, но не страх. Небывалый прилив сил излечил от боли в голове и руках.

Впереди мелькнула тень. Таболин искал причину беспокойства, но не находил. Станция мерзко воняла – старый, слежавшийся запах костей с гниющими останками.

– Новые хвосты! – с усмешкой донеслось слева. Или справа.

Таболин свернул. Он дрожал, словно долго напрягал мышцы и заработал судорогу. Крутил головой в поисках движения, голоса. Люки, которые попадались на пути, были не заперты. От модульного строения станции кружилась голова. Мимо пролетела книга «Жиль Гарнье: Средневековые рецепты».

Что-то задело ногу. Таболин открыл глаза (оказывается, он какое-то время плыл с закрытыми глазами), оглянулся и заметил удаляющуюся фигуру. Большая голова без шеи, горб, растопыренные пальцы, черные, длинные, острые. Таболин окликнул неестественно сложенного человека, но тот оттолкнулся от скобы и ускорился.

Бортинженер не стал его преследовать. Направление не имело значения. Станция подбрасывала вопросы, главный звучал так: что изменило этих людей? Что стало причиной уродливой трансформации? Возможно, ответы были у врача, который далеким утром обработал тело Таболина спиртом. Наверняка были. Но откуда уверенность?

Таболин передумал: сделал движение рукой, развернулся и, придав телу инерцию, последовал за горбатым существом. Несмотря на сбитое, неуклюжее телосложение, чудовище было проворнее и быстрее новичка; оно плыло по-собачьи. Таболин ускорился, но его отвлекали иллюминаторы.

Комплекс оказался между Землей и Луной, и бортинженер зажал рот руками – оттуда рвался странный, не свойственный человеку звук. Словно живые, двигались тени. Од-

на из них – его тень – захватывающе менялась.

В шлюзе появился силуэт человека. Таболин пересек лабораторию, но к этому времени шлюз опустел.

Движение за спиной! На другом конце лаборатории, откуда Таболин только что приплыл. На этот раз ему удалось мельком рассмотреть уродливую маску, заменяющую человеку лицо. Массивная голова, широкий лоб, по-звериному вытянутая морда. Маска выражала ярость и ласку, настороженность и угрозу.

– В прятки играете, – со злобой сказал Таболин, обращаясь к пустоте в том месте, где секунду назад было существо. Ему надоела эта беготня. – А вот хрен вам…

Глотка горела. Кровь жарко билась внутри сильного тела. Но внезапно все изменилось. На смену могущественной ночи пришел изматывающий день. Таболин стал вялым, ненастоящим, забытым. Станция превратилась в ловушку, из которой не было выхода. Его загнали в угол, как бешеного пса. Что дальше? Выстрел в сердце? Удар током?

Он уже тосковал по быстрым сумеркам и ощущению силы, которое те несли. Пускай они вернутся, и тогда он найдет выход. Скинет шкуру жертвы. Обратится в охотника. И неважно, какой станет его тень.

Он лег на спину и поплыл, не задумываясь, куда и зачем. Согнуть колени. Разогнуть колени…

Сзади раздался хриплый смех.

Таболин кувыркнулся, ожидая увидеть зверя, которым

стал Кравуш. Или существо с длинными черными пальцами. Или уродливую маску, если, конечно, это были разные люди-звери. Однако увидел Уссаковского, командира экипажа, полгода назад принявшего смену на орбитальной станции.

Бортинженер не знал, почему понял, что перед ним именно Уссаковский. Голова командира подергивалась. Лицо слишком быстро менялось. Таболин мало что мог разобрать, кроме желтых глаз и длинных зубов.

Он глянул в иллюминатор. Станция скользила по лунному диску.

– Хорошо, ладно, – проговорил-прорычал Уссаковский. – А теперь – спать. Так быстрей привыкаешь.

Иллюминатор потерял Луну, и лицо командира перестало подергиваться и бугриться. Уменьшилась, сдулась, словно мяч, шея. Уссаковский протянул мускулистую руку, заросшую седой шерстью, и указал на люк над головой бортинженера.

Таболин молча повиновался. Его и правда клонило в сон.

– Займусь вторым, – сказал командир. – Третьего ведь уже нет?

– Уже нет, – подтвердил бортинженер.

– А ты, значит, не вкусил? Из сдержанных, выходит. Хорошо, ладно…

Тот, кто когда-то был Уссаковским, замолчал – голодные глаза укололи Таболина – и, хватаясь за скобы, поплыл в сторону стыковочного узла. К транспортному кораблю, где тра-

пезничал другой зверь.

Таболин открыл люк и оказался в функционально-грузовом блоке. Светлый интерьер, скобы и резинки на стенах, два спальных места. Бортинженер забрался в спальный мешок и закрыл глаза.

– Проснись, – сказал врач человеку, сидящему за столом напротив Таболина.

У человека была смуглая кожа, нижнюю часть лица скрывала маска с крошечными отверстиями на уровне рта. Над черепом (его бы тюбетейкой прикрыть, подумал бортинженер) будто поработал опасной бритвой слепой цирюльник. Длинный войлочный халат – порван, запятнан грязью и кровью. Из-под стола торчала широкая ступня, вывернутая под неправдоподобным углом; рядом лежала сандалия из сыромятной кожи.

Врач ткнул казаха палкой. Тот дернулся, поднял голову и зашарил по комнате запавшими глазами. Его руки были связаны за спинкой стула.

Врач повернулся к Таболину:

– Руку на стол. Любую.

Дублер выполнил приказ, который лишь маскировался

под просьбу.

– Ближе.

Таболин вытянул руку. Его кисть, обращенная ладонью к потолку, выглядела просительно и беззащитно. От связанного человека несло псиной.

Врач расстегнул ремешки и снял маску. Казах зарычал. От этого рыка, а еще от вони, заполнившей узкое помещение без окон, в памяти Таболина всплыл другой образ – покрытая коркой рана на его собственном предплечье. Только раны не было. Пока не было. Но Таболин уже вспомнил и кровь, и боль.

– Кусай, – велел врач и упер палку между лопаток казаха. – Один раз. И не вздумай грызть – усыплю!

На ладонь Таболина упала капля слюны, и тогда связанный человек…

– Проснись!

Кто-то толкал его в плечо… палкой? Нет, перед лицом маячила покрытая седой шерстью рука.

Сон принес облегчение. А еще – потребность увидеть *ее*. Луну. Отсутствие в блоке иллюминаторов ощущалось почти с физической болью. Поэтому Таболин выбрался из спальника раньше, чем разбудивший его Уссаковский махнул рукой: за мной.

– Он укусил меня, – сказал бортинженер, – тот человек…

– Человек? – Командир усмехнулся. – Хотя убивать умышленно – это очень по-человечески.

Они летели по станции, Таболин вспоминал *(обнюхивал)* свои сны. Теперь он помнил их все, они пахли его прошлым или будущим; но у двух или трех был чужой запах, принадлежащий другому племени из другого измерения, как сон о плесени, уничтожившей незнакомую орбитальную станцию, лишь отдаленно напоминавшую РКС.

– Твоя каюта. Вещи с транспортника уже перенесли.

Уссаковский пихнул его к зеркалу.

– Мы приближаемся к *ней*, – сообщил командир. – Посмотри на себя. Прими это до конца, и тогда боль уйдет.

Таболин подгреб к переборке, включил светильник, но не успел заглянуть в зеркало. Череп сдавило со страшной силой. Глаза полезли из орбит. Что-то распахнуло его рот изнутри. Тело охватил жар. Плечи подались вперед и вниз, утяжелились мускулами; руки и ноги распухли и удлинились, будто конечности больного проказой, их свело судорогой, которая заставила Таболина выгнуться и, как в бреду, завыть.

– Ишь как запел. Смотри, красавец, любуйся.

Бортинженер увидел крупную морду, и огрубевшую кожу, и шерсть, и широкие ноздри, и сверкающие золотистые глаза, и прямые желтоватые клыки. Отражение привело его в ужас и восторг. Он ждал, когда его новое лицо стечет с черепа и закончится очередной сон, но внутреннее чутье, победившее аргументы рассудка, подсказывало: ничего реальнее в его жизни еще не происходило.

Ничего прекраснее.

Уссаковский стоял рядом. Два зверя.

– Ну, с этим разобрались, – раздалось гортанное бормотание командира. – Меняться будешь постоянно, полтора часа на один оборот станции, сам понимаешь. О бритве можешь забыть. Ладно, поплыли. Поиграем в вопросы-ответы, и за работу. Распорядок дня никто не отменял.

Пылесборник рядом с каютой забился шерстью.

В служебном модуле было прохладнее, чем в каюте и функционально-грузовом блоке. Таболин просто отметил это – его перестроившееся тело не волновала температура на борту станции. Звуки жизнедеятельности комплекса – шум вентиляторов, гул кондиционеров, щелчки «Воздуха» – сделались громче, назойливее, но бортинженер понял, что может приглушить их в своей голове за ненадобностью.

Обновленный экипаж собрался в просторном служебном модуле. Командир Уссаковский, бортинженеры Рюшин и Таболин, космонавт-исследователь Кравуш. О судьбе Алиева, третьего члена экспедиции Уссаковского, догадаться было нетрудно.

Кравуш молча рылся в контейнере питания, избегая встречаться с Таболиным взглядом. Одутловатое щетинистое лицо; штаны и рубашка необъятного размера. Рюшин был в шортах, с обнаженным торсом – сплошные мышцы под жесткой черной порослью. Таболин испытал краткий прилив брезгливости к собственному костюму, который не снимал

почти сутки.

– Налетай, – сказал командир.

Таболин выбрал кашу с кусочками мяса, фруктовые палочки из вишни, пудинг с тапиокой, кофе с сахаром.

Уссаковский обратился к Рюшину, который уплетал картофельное пюре:

– Системы?

– Отказов и сбоев нет.

– Атмосфера?

– В норме.

Командир кивнул, повернулся к Таболину:

– Валяй, спрашивай. Так пойдет быстрее.

Таболин спросил о том, что вертелось на языке:

– Мунх, наш командир… Почему его не изменили?

– Очередная традиция. Не такая пыльная, как сходить «на колесо», но – дай ей время. С первой экспедицией, заточенной под лунную программу, не все прошло гладко. Да и откуда гладко-то… Первые обращенные на орбите, ха! У одного из экипажа оказался иммунитет, но никто тогда не проверял – на Земле списали на хорошую подавляемость, замедленные процессы. Короче, как вышли на орбиту, двое других его схарчили…

– Двое других… – Таболин перевел взгляд с Уссаковского на Рюшина. – Из первой экспедиции?

– О нет! – Доброжелательно скалясь, командир поднял огромные руки. – То есть мы, конечно, тоже, но сейчас не о

нас. Мы – первые лишь официально, был еще один лунный (или предлунный) экипаж. Первопроходцы. Отработали хорошо, рвались дальше, но их вернули для полного обследования, снятия, так сказать, мерки.

– И они согласились? – не поверил Таболин; мысль о том, чтобы добровольно потерять эти четыреста километров [12], утратить частично обретенного себя, была похожа на дорогу из битого стекла.

– Они думали обо всем племени, о будущем. Нам не выжить без овец, особенно овец высокопоставленных. Пока – нет. Без них нам до *нее* не добраться. – Кивать на иллюминатор не требовалось – все было понятно и так.

«Они, первопроходцы, были умнее и сильнее меня, – подумал Таболин. – Или глупее и слабее, потому что отказались от *нее*».

– Невосприимчивых, тех, у кого иммунитет, – продолжил Уссаковский, – научились отсекать анализом ДНК, но «традицию» сохранили. Экипаж из одного человека и двух зверей, слепых щенков, познающих мир, но стоящих четырех, а то и восьми обычных космонавтов. ЦУП просто рыдал от счастья, вчитываясь в доклады.

– Например?

– Ты удивишься тому, сколько сможешь продержаться в открытом космосе с дырой в скафандре. – Уссаковский мечтательно глянул вверх (единственно верный верх для су-

---

[12] Высота орбиты станции.

ществ, которыми они стали). – Когда мы окажемся *там*, думаю, доспехи вообще не понадобятся. Во всяком случае, очень на это надеюсь. А уж на Земле как надеются. Сейчас они готовы поверить даже в то, что мы способны есть лунный реголит и гадить гелием-три [13], а ведь всего год назад спорили лишь о том, обернется ли живущий на Луне волколак в полноземье обратно в человека.

– В разгерметизированном скафандре?.. – Таболин не успевал за Уссаковским. – В открытом космосе?..

– В нем, родимом. Вроде и помереть должен, а не спешишь. Этакий затяжной нырок, во время которого тебя не шибко беспокоит отсутствие воздуха. И космической радиации имеем что сказать! А быстрая регенерация, замедленный износ клеток, ночное зрение, неутомимость, ловкость и сила… Неплохой джентльменский набор, как считаешь?

Таболин не ответил. На иллюминаторы давила всеобъемлющая пустота, изгаженная межзвездным мусором, пронизанная космическим излучением. И где-то в этом огромном и пустом пространстве плыла *она*, та самая, что все эти годы не переставала звать и искать. Скоро она прильнет к «окнам» служебного модуля своим покрытым оспинами-крате-

---

[13] Гелий-3, редкий изотоп, необходимый для запуска термоядерной реакции. Количество гелия-3 на Луне оценивается от полутысячи до тысячи тонн.

рами лицом…

Станция продолжала падать на Землю, одновременно стремясь от нее прочь. Зыбкое равновесие. Парящая над горой песчинка.

Таболин подплыл к сверхпрочному кварцевому стеклу. Его внимание привлек интересный эффект. Звезды на теневой части орбиты, вблизи полюса, не двигались. При взгляде на неподвижные искорки казалось, что РКС – «песчинка» – тоже замерла. За секунду до того, как рухнуть на «гору». Потом бортинженер увидел Землю (яркое пятно Москвы, северное сияние), росчерк кометы – и полет продолжился.

Таболин повернулся спиной к большому иллюминатору.

Экипаж ежеминутно менялся.

– Вы знаете, что случилось с нашим основным экипажем? – спросил он.

– В подробностях, – ответил командир.

Бортинженер посмотрел на Кравуша. Уссаковский снова попытался улыбнуться неприспособленной для этого пастью:

– То, что случилось в «Звездном» по дороге к старту, – обратная сторона медали, противоположность врожденно привитым. У кого-то иммунитет, а кто-то страдает крайней чувствительностью к *ее* зову, лишен сдерживающих мотивов. Сомневаюсь, что нечто похожее повторится. На Земле сделают выводы, разработают тесты по отлову слишком восприимчивых.

Обдумывая, Таболин убрал отходы трапезы в резиновый мешочек, прикрепленный к краю стола, и загерметизировал его резинкой. Он хотел бы сказать самому себе, что насытился, но это было не так.

– Значит, дело не в форме Луны?

– В точку. Лунная фаза тут ни при чем. Дело не в солнечном свете, отраженном от *ее* поверхности, а в *ее* близости, которая провоцирует выработку фермента для трансформации.

В желтых глазах Уссаковского было предвкушение (говоря о *ней*, он тонко подвывал) и голод. Осознанный, контролируемый, но все-таки…

– Мы не просто другие. Мы другие, потому что *она* зовет нас, – сказал командир после паузы. – А теперь представь, как *она* обрадуется встрече с нами. Как вознаградит.

– Несоизмеримо! – вырвалось у Таболина.

– Хорошо сказано! Несоизмеримо уже дарованному. Когда между нами не будет преград – телесные метаморфозы прекратятся.

Таболин перевернулся на спину и закрыл глаза. Ему приснилось, что он лежит внутри покрытого плесенью скафандра и видит сон о том, как мчится по лунному полю и силы его лап хватает, чтобы перепрыгивать глубокие кратеры.

Проснувшись, он обнаружил, что они летят над дневной частью орбиты. Под ними, насколько хватало взгляда, стелился голубой океан – сплошная вода и облака причудли-

вых форм и размеров: трезубец, перекошенное криком лицо, стая волчат… Сонная неспешность и величественность картины настраивали на философский лад. Таболин путался в нахлынувшей гамме чувств. Что это? Прилив наслаждения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.